

Содержание 4-го выпуска I тома.

	Стр.
Д-р Г. В. Сегалин. Психо-эвротическая пропорция гениальной одаренности	182
Д-р Г. В. Сегалин. Сдвиги психо-эвротической пропорции гениальной одаренности	198
Д-р Б. К. Гиндзе. К вопросу о соматическом исследовании лиц выдающихся психических способностей	214
Д-р И. Б. Галант. Генеалогия М. Горького	415
Д-р И. Б. Галант. Пориомания (мания бродяжничества) М. Горького.	437

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА“

Ленинград, проспект Володарского, д. № 49. ♦ Телефон № 5-42-39.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

1. ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА.

2. ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА.

Подписная цена на год—10 руб.
на 1/2 года 6 рублей.

Допускается рассрочка плат.:
при подписке 3—р., 1 февр.—2 р.
1 апреля—3 р., и 1 июня—2 р.

3. ЖУРНАЛ АКУШЕРСТВА и ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ.

Годовая подписн. цена—10 р.

Допускается рассрочка плат.:
при подписке—5 р., 1 февр.—3 р.
и 1 апреля—2 руб.

4. РУССКАЯ ОТО-ЛАРИНГОЛОГИЯ

Годовая подписн. цена—10 р.

Допускается рассрочка плат.:
при подписке—5 р., 1 февр. 3 р.
и 1 апреля—2 руб.

5. СЛОВАРЬ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.

Составил проф. М. Я. Брейтман.

Подписная плата—6 руб., для
подписчиков вышеперечислен.
журналов—4 руб.

ГРУППОВАЯ ПОДПИСКА:

При групповой подписке (не менее 5 человек) допускается уплата подписной цены ежемесячными взносами с таким расчетом, чтобы вся подписная цена была уплачена до 1-го января. Представитель группы принимает на себя обязанности по сбору взносов и сношения с Издательством.

Деньги адресовать: Издательству ПРАКТИЧ. МВДНЦ. Ленинград, вр. ВОЛДАРСКОГО, 49.

$\sqrt{x} \frac{27}{14}$ $pp \frac{2-73}{4500}$

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

посвященный вопросам патологии гениально одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Выходит отдельными выпусками не менее 4 раз в год под редакцией основателя этого издания д-ра медицины Г. В. СЕГАЛИНА, завед. Психотехнической Лабораторией и преподавателя Уральского Политехнического Института.

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ.

Том I.
1925.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
„Практическая Медицина“
Ленинград, проспект Володарского № 49.

Уралобллит № 6037.

Тир. 1000 экз.

Свердловск, тип «Гранит» Акц. О-ва Уралкнига Заказ № 1578.

Психо-эвротическая пропорция гениальной одаренности.

(Взаимоотношение психотического и кумулятивного компонента и роль этого взаимоотношения в структуре эвро-реактивных типов).

Д-ра Г. В. Сегалина.

Весьма существенным моментом, от которого зависит структура эврореактивных типов, будет в з а и м о о т н о ш е н и е обоих основных компонентов одаренности (resp. гениальности): психотического и кумулятивного.

Дело в том, что об этих 2-х компонентах мы до сих пор говорили как об изолированных явлениях в отдельности, между тем, в действительности, в психической структуре эвро-реактивных людей оба эти компонента органически связаны, благодаря чему и создаются эти особые эвро-реактивные типы. Ясно, что психотизм сам по себе изолированно не может дать никакого творчества, точно также мы знаем, что кумулятивный компонент, сам по себе изолированно не мог бы дать эвро-активность. Следовательно, структуру эвро-активных типов мы иначе не можем понять, без того, чтобы не изучить органическое взаимоотношение этих 2-х начал. Только изучивши результат этих взаимоотношений, мы можем понять, что такое структура эвро-реактивных типов.

К этому мы сейчас и перейдем.

О взаимоотношениях между психотическими и кумулятивными компонентами можно говорить с различных точек зрения; можно говорить о взаимоотношениях качественных и можно говорить о взаимоотношениях количественных. Оставляя в стороне вопрос о качественных взаимоотношениях этих двух моментов, мы остановимся на количественных взаимоотношениях психотического и кумулятивного факторов. Дело в том, что эти 2 компонента являются результатом гипостатической реакции *) в лице данного великого человека, в котором мы имеем тип с новой психической структурой, с новой психической закладкой. Эта новая закладка психической структуры определяется, помимо всего другого, еще тем, что эти 2 вышеуказанные компонента (кумулятивный и психотический), как известные количественные величины, могут быть даны в самых различных количественных пропорциях, по отношению друг к другу.

*) См. Гипостатическая реакция гениальной одаренности, Кл. Арх. Гениальности и одаренности II выпуск 25 г., а также Биогенез и Патагенез великих людей, там же выпуск I 25 г.

Эту количественную пропорцию мы обозначаем, как психо-эвротическую пропорцию гениальности.

Под психо-эвротической пропорцией гениальности, таким образом, нами мыслится пропорциональное отношение между степенью одаренности и степенью психотизма данной эвро-реактивной личности. О том, как мы понимаем эту психо-эвротическую пропорцию гениальности, речь будет дальше. Здесь мы сначала остановимся на вопросе о том, как мы можем говорить о количественных пропорциях и как мы можем брать психотизм и одаренность в количественных отношениях.

Во первых о психотическом моменте. В новейшей психиатрии мы имеем тенденцию к более точному установлению количественно-качественных степеней одних и тех же конституциональных состояний. Кречмер*) установил эти количественно-качественные степени по отношению к шизофрении и циклофрении, указывая, что в семьях шизофреников имеется 3 степени количественно-качественных состояний шизофренического психотизма, а именно:

Шизофрения—с ясно выраженным прогрессивным течением.

Шизоидность—ясно выраженное шизофреническое состояние данной личности, но без прогрессивного течения и

Шизотимичность—шизофренический склад характера, в пределах норм здоровья.

Этим самым Кречмер установил количественную скалу психотизма. Точно такие же количественно-качественные степени устанавливает Кречмер в циклофрении, аналогично шизофрении:

Циклофрения,

Циклоидность,

Циклотимия,

где циклофренией определяется полная, определенно выраженная картина маниакально-депрессивного психоза; циклоидностью—среднее состояние, между здоровьем человека (с циклофренической конституцией) и циклофренической болезнью; Циклотимией — наименьшая степень циклофреничности. («Здоровье» в пределах циклофренической конституции).

Таким образом Кречмер этим установил количественную скалу психотических состояний. Но он установил эту скалу только по отношению к 2-м вышеупомянутым психическим конституциям, так как имел в виду, главным образом, показать связь физического строения тела с этими конституциональными состояниями и так как эту связь он мог показать только на шизофрении и циклофрении, то этим он и ограничил свою классификацию переходных количественно-качественных состояний.

Между тем теоретически и клинически мы имеем такое же право это сделать и по отношению к другим психотическим, психо-невротическим группам, если даже мы не можем еще пока

*) Кречмер. «Строение тела и характер», 1924 г.

установить конституционной связи между строением тела и психическим состоянием. Так, по отношению к психотическим состояниям при эпилепсии мы можем, таким же образом, градуировать психические симптомы по степени тяжести, имея в виду, главным образом, психические симптомы в количественно-качественном отношении. Следуя принципу Кречмера, эпилептические состояния психики мы можем, таким образом, градуировать:

- Эпилептический психозизм,
- Эпилептоидное состояние,
- Эпилептотимическое состояние,

подразумевая под последним эпилептическую конституцию имеющую черты характера свойственные Эпилептической психике, но не резко выраженные и без припадков. Эпилептотимик следовательно, представлял бы тип «здорового» но с рудиментарными психическими симптомами, характерными для эпилептической конституции.

Эпилептоид, таким образом, представляет следующую количественно-качественную ступень эпилептической конституции, где психические симптомы уже определено и ясно выражают психику эпилептоида, так что представляют переходную ступень к эпилептической группе психозов тяжелой формы.

Точно также и по отношению истерии и паранои, мы допускаем теоретическую и клиническую возможность такого деления. Таким образом, по отношению к истерической конституции мы будем иметь: истерию, истероидное состояние, истеротимию.

По отношению к параноической конституции: Параною, Параноид, Ноотимию.

Таким образом количественно-качественный принцип деления всех конституциональных состояний дает нам теоретическую и практическую возможность это сделать по отношению ко всем психотическим состояниям. Отсюда мы имеем следующую количественно-качественную скалу:

Шизофрения	— Шизоид	— Шизотимия.
Циклофрения	— Циклоид	— Циклотимия.
Параноя	— Параноид	— Ноотимия.
Истерия	— Истероид	— Истеротимия.
Эпилепсия	— Эпилептоид	— Эпилептотимия.

Таким образом, если мы все психотические и психо-невротические состояния обобщим одним общим окончанием, характеризующим их количественную фазу, то у нас будет 3 группы:

1-я группа.	2-я группа.	3-я группа.
Шизо Цикло Параноя Истеро Эпилепто	Шизо Цикло Парано Истеро Эпилепто	Шизо Цикло Параноя Истеро Эпилепто
} — френия.	} — ид.	} — тимия.

Или:

Шизо

Цикло

Параноя

Истеро

Эпилепто

|

—френиа.

—ид.

—тимия.

Из которых: I-я группа, по этой скале, характеризуется как «френиа», поэтому назовем их как френические состояния психотической скалы, имея в виду этим только количественную сторону; II группа, — характеризуется окончанием ид), как френоиды, а потому назовем эту группу, по количественной скале, как френоидную группу и, наконец, III группа—группа «тимий», которую назовем как френотимическую группу.

В общем количественную скалу всякого конституционально психотического состояния можно свести к этим 3 градациям:

Френоидное состояние,

Френотимическое состояние,

и Френическое состояние.

Графически мы эту скалу представляем себе условно таким образом: (см. рисунок 1).

Рис. 1.

Отрезки линий, заключенные между линиями хz и yz представим себе как количественную скалу психотических состояний, где максимальная «френиа» выразится линией ху, а минимальная «тимия» самым меньшим отрезком, приближающимся к точке z.

Точно также, как от количественной разницы психотизма будет зависеть структура эвро-реактивных людей, эта структура также будет зависеть от количественной разницы компонента кумулятивного.

Но тут возникает вопрос—можем ли мы представить скалу количественных разниц одаренности? Конечно, измерять эти явления мы не в состоянии, также как мы не можем измерять психические состояния и наши оценки производятся наблюдательно-сравнительным методом, что для наших теоретических выводов достаточно; тем более, что эти теоретические выводы имеют целью наметить и правильную постановку вопроса для дальнейших исследований.

Когда мы оперируем понятием «одаренность», «гениальная одаренность» и так далее, то мы, несмотря на то, что не можем дать определение, что такое это одаренность, однако вкладываем или подразумеваем определенные величины, точно также как мы, не зная что такое электричество, однако, зная его проявления, учитываем его величины в количественных единицах. Правда, у нас нет возможности измерять эту одаренность, как мы изме-

ряем электричество в определенных количественных единицах, тем не менее, относительную градацию величины этой одаренности, мы, на основании наблюдений, можем делать и делаем это ежедневно. Если мы уже давно употребляем термины: «способный», «очень способный», «талантливый», «выдающийся талант», «гениальный», «гений», то мы этим выражаем некоторую количественную скалу одаренности. Помимо того, эта скала выражает активную одаренность (или по нашей терминологии эвро-реактивность), то есть такую скалу одаренности, которая имеет соответствующие механизмы выявления этой одаренности, благодаря чему она активна. Скала эта однако не выражает потенциальную одаренность (resp. гениальность). Между тем мыслимая скала потенциальной одаренности (resp. гениальности) совершенно не совпадает со скалой активной одаренности.

А между тем данный эвро-активный тип может иметь объем этой латентной одаренности гораздо больше, чем это выявляется в действительности. Если мы имеем человека активно выявляющего нормальным образом «хорошие способности» — то это уже само говорит за то, что латентно (гипостатически) данный индивидуум обладает более чем «хорошими способностями». Он может обладать латентно «талантливостью» или «талантом», т. е. количественным объемом латентной одаренности — гораздо более, нежели «хорошие способности», но механизм эвро-активности у данного субъекта такой, что дает возможность проявить лишь «хорошие способности». Точно также, если мы имеем «талант», то мы должны иметь в латентности количественно более высокую степень, по объему этой одаренности, нежели «талант». Таким образом «гениальность», «гений» является некоторым латентным пределом для всякого вида одаренности, а «активный «гений» выражает собою уже активный «разряд» этого предела. Что, действительно, «талант» или другой вид одаренности, обозначает собою латентно гораздо более по объему, нежели этот «талант» выявляет — говорит то обстоятельство, что «талантливость» имеет наследственную способность передаваться в целый ряд поколений, пока не получит своего предела в лице одного какого-нибудь представителя в этом поколении, который выражает предел родовой разрядки в активную «гениальность» (напр. музыкальной семье Бах и др.).

Выявивши активно предел этой латентной одаренности, далее этот предел больше уже не повторяется, т. е. «гений» не повторяется, далее уже «гениальность» или совершенно прекращается, или «гениальность» редуцируется т. е. передаются потомкам гения «остатки» этой гениальности, в виде «посредственных талантов».

Таким образом, на основании вышесказанного, когда мы говорим о количественной скале одаренности, то мы можем говорить или о скале потенциальной одаренности, или о скале активной одаренности. Об активной одаренности вообще, и в

частности о ее возможной количественной скале, мы будем говорить далее. Здесь мы остановимся на возможной скале одаренности не активной. О такой скале мы можем говорить лишь теоретически, что для наших целей, как вспомогательного способа дальнейшего исследования, будет достаточно.

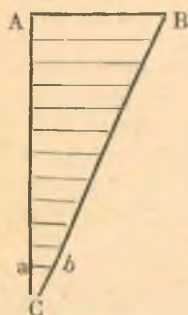

Рис. 2.

Эту количественную скалу скрытой гипостатической одаренности представим себе также условно графически (см. рис. 2), в виде скалы отрезков заключенных между линиями, AC и BC так, что отрезок AB будет у нас обозначать латентную максимальную одаренность, а отрезок ав минимальную величину одаренности, все же другие отрезки — переходные состояния между двумя этими величинами.

Но эта скала есть скала, как сказано, только потенциальных возможностей и не больше. Но с нашей точки зрения, для того,

чтобы всякая потенциальная одаренность была активной, ей необходим еще соответствующий психотический потенциал (или соответствующий психотический двигатель). Следовательно, коэффициент активной латентной одаренности будет зависеть от коэффициента психотического, если мы бы хотели представить скалу активной одаренности, то нам нужно брать соответствующую скалу возможных психотических вариаций по отношению к скале возможных вариаций латентной одаренности. Иначе говоря, чтоб представить себе скалу активной одаренности, мы должны взять скалу различных пропорций психотизма, по отношению к скале одаренности: представим себе скалу одаренности (изображенную на рис. 2) соединенную вместе со скалой психотизма (изображенную на рис. 1) в одну общую скалу (но в обратном соотношении), как это изображено схематически на рис. 3. Здесь, на этой схеме, скала Н обозначает скалу одаренности (изображ. на рис. 2), а скала Р обозначает скалу психотизма (изобр. на рис. 1), при чем пунктирные отрезки условно обозначим как различные величины количества по скале одаренности, линейные отрезки — как различные величины по скале психотизма. Каждому такому пунктирному отрезку по скале одаренности соответствует линейный отрезок по скале психотизма, что условно должно обозначать: каждой величине скры-

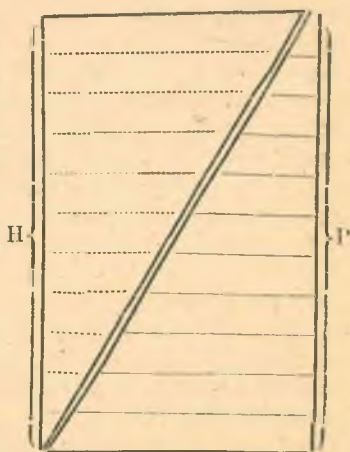

Рис. 3.

той одаренности соответствует определенная величина психотизма в самых различных и возможных пропорциях.

Эту количественную пропорцию выраженную во взаимоотношении этих двух скал мы обозначаем как психо-эвротическую пропорцию активной гениальности.

Под психо-эвротической пропорцией гениальности таким образом нами мыслится пропорциональное соотношение между степенью одаренности и степенью психотизма данной эвро-реактивной личности. В этой пропорции должна выразиться та конституциональная закладка гениальной личности, которая зависит не только от тех 2-х компонентов, в их качественном отношении, но зависит также от количественной пропорции этих двух компонентов. Так, если мы выше приведенную скалу психотизма (френиотимия, френиотид, френиотия) возьмем за количественную скалу, то, само собой разумеется, что психическая структура эвро-реактивной личности будет зависеть от того—есть ли данная личность френиотимик или данная личность есть френиотическая личность. Этим самым мы хотим сказать, что помимо качественной разницы в этих понятиях, мы должны в них заметить и количественную разницу психотических состояний. На этом основании, например, Гете—циклотимик и Гаршин—циклофреник—будут иметь в себе психотический ген с количественной разницей, заключающейся в этих понятиях. Само собой разумеется, что качественная разница имеется также в виду, только сейчас мы оставляем ее в стороне.

Если мы теперь возьмем по этой скале любую степень одаренности и представим себе как некоторую величину отрезка H , а соответствующую степень психотизма, как некоторую величину P , то эту пропорциональное соотношение выразится в формуле $\frac{H}{P}$ и структура, симптоматология и вообще характер данного эвро-реактивного типа будет зависеть от этой пропорции. Так, если мы себе представим, что H будет более P в этой пропорции (т. е. степень одаренности будет преобладающим над степенью психотизма *resp.* психо-невротизма), то в структуре и симптоматологии данной личности, симптомы одаренности будут преобладающими симптомами, между тем симптомы психотизма отойдут на задний план.

Наоборот, если P будет преобладающим над H (т. е. степень психотизма будет более степени одаренности), то вся структура этого эвро-реактивного типа и его симптоматология будет окрашена более психотическими симптомами. Как пример таких эвро-реактивных типов, где психо-эвротическая пропорция в структуре личности резко окрашивается преобладанием психотического симптомо-комплекса, укажем на Ницше, Ван-Гога, Байрона и др. Обратный пример (первого типа), где эвротическое начало в психо-эвротической пропорции берет верх над психотическим, укажем на такие типы, как Дарвин, Фарадэй и др. Наконец в отношениях между H и P мы должны представить

себе и такое положение, когда в психо-эвротической пропорции может быть $H=P$, где степень одаренности и степень психотизма как бы друг друга нейтрализуют и уравнивают, так что симптомы психотизма как бы отходят на задний план. Таким образом, психо-эвротическая пропорция одаренности имеет три предельные возможности:

или H пропорционально больше $P=H>P$,
« H « меньше $P=H<P$,
« H « равняется $P=H=P$.

Между этими тремя пределами будет варьировать ряд возможных вариаций, которые составляют целую скалу таких возможных психо-эвротических пропорций.

Эти различные возможности составляют различные группы. Одну крайнюю группу, где количество H представлено в своей максимальной предельной возможности, при минимальной возможности количества P , обозначим таким образом: $H>>P$. Другую крайнюю группу, где P составляет предел количественной возможности при возможно минимальном количестве H , обозначим: $P>>H$. Наконец, группу 3-ю, где H и P могут быть в пропорционально равных соотношениях, обозначим: $H=P$. Между группой $H>>P$ и $H=P$ располагается 4-я группа $H>P$, а между $P>>H$ и $H=P$ располагается 5-я группа $P>H$.

Между всеми этими группами понятно существуют подразумеваемые подгруппы, которые обозначать не будем.

Теперь перейдем к анализу стдельных групп по этой скале. Но прежде чем это сделать, мы должны предпослать несколько замечаний по поводу скалы H . Как мы уже говорили выше под скалой одаренности H мы подразумеваем скалу латентной одаренности, т. е. мы хотим этим сказать, что если некая личность имеет по этой скале максимум H латентно—то это еще не значит, что данная личность активно проявляет максимум того, что указано в этой скале о такой личности. Для того, чтобы латентность H максимальной группы выявила бы себя с такой же максимальной активностью, для этого необходим еще и другой компонент P , в соответствующей максимальной пропорции. Вот почему, когда мы говорим о максимальной активности или эвро-реактивности—тогда мы должны мыслить себе и соответствующую препорцию P . Если же мы имеем в виду потенциальную (латентную) одаренность, то этим самым мы имеем в виду изолированно скалу H . Точно также, когда мы говорим о скале P изолированно, то мы имеем в виду только психотизм; когда же мы говорим об эвро-реактивном психотизме, то мы имеем в виду ту или иную степень психотизма по этой скале плюс ту или иную степень латентной одаренности по скале H и только пропорция обоих элементов вместе—составляет активную эвро-реактивность. Теперь перейдем к анализу психо-эвротических пропорций именно начиная с предельной группы $H>>P$.

Здесь, в этой группе, по этой скале мы видим, что компонент одаренности имеет максимальную потенциальность, но не максимальную активность. Вместе с этим мы имеем минимальную степень психотизма, что обуславливает собой минимальную активность одаренности, несмотря на латентное наличие максимальной (потенциальной) одаренности. Происходит это потому, что здесь имеется максимальное торможение эпистатического аппарата (т. е. здорового аппарата сознания). Его антагонист—психотический, который мог бы это торможение ослабить и тем увеличить эвро-реактивность—здесь пропорционально очень ничтожен, а потому ничтожна и эвро-активность. Эвро-реактивные типы этой категории выявляют только слабую или среднюю «талантливость», несмотря на наличие симптомов того, что эти эвро-реактивные типы имеют в себе гораздо больше скрытой эвро-активности, чем они активно выявляют, ибо редуцированная способность этих типов *), т. е. способность передавать эту потенциальную способность потомству—весьма большая.

Эвро-реактивность у этих типов распространяется, более или менее, на целый ряд поколений с изменяющейся психо-эвротической пропорцией. Пример: семья Бернули, семья Бахов и друг. Чем далее, по этой скале психо-эвротических пропорций, тем более психотизм будет увеличиваться и тем более аппарат торможения нормальной психики будет ослабевать, (т. е. тем более эпистатическая психика устраняется). Вместе с таким ослаблением тормазов эпистаза, энергии скрытых психических признаков (resp. скрытой одаренности гипостатической психики) дается возможность делаться активней и тем, следовательно, увеличиваться эвро-реактивности, так что по нашей скале, опускаясь ниже к группам обозначенным как $H > P$, мы будем иметь эвро-реактивные типы с большой сравнительно эвро-активностью. К этой группе эвро-реактивных мы можем причислить тех великих людей, которые слывут как «высоко-талантливые», и если не являются «гениями», то примыкают к ним.

Вместе с увеличением эвро-реактивности по этой скале, у этих типов падает редуцированная одаренность т. е. способность передавать свои латентные силы своему потомству (об этом см. дальше).

Дальнейшая группа по этой скале будет приближаться к такому состоянию, где H будет пропорционально равняться P .

Здесь даны все условия максимальной эвро-реактивности. И вот почему. Здесь дана наивысшая возможность расторможенности благодаря максимуму психотизма, устраняющего эпистатическое влияние аппарата сознания. Вследствие этого мы имеем максимум условий для выявления потенциальной одаренности в

*) См. нашу работу «Гипостатическая реакция гениальной одаренности». Кл. Арх. Гениальности и одаренности 2-й выпуск 1925 г.

эвро-реактивный максимум—высшую форму гениальности («гений»).

Типичным биологическим признаком такой максимальной продуктивности является минимальная эвроредуктивность, т. е. неповторяемость степени гениальности. Дети эвро-реактивного типа с такой психо-эвротической пропорцией—посредственно одарены. Это явление нам понятно, ибо здесь растрачивается максимум того, что можно растратить и остается минимум того потенциала, который имелся.

Не лишне будет остановиться на этом моменте, который может казаться с первого взгляда парадоксальным. Мы видим, что по этой шкале психо-эвротических пропорций, максимальная активность не совпадает с максимальным потенциалом одаренности. В этом случае мы должны опять напомнить, что изслырованные скалы психотизма и одаренности сами по себе имеют одно значение, а соединившись в пропорциональные соотношения—другое значение, что скала эвро-реактивности (т. е. уже активной возможной одаренности) зависит от степени расторможенности эпистатической психики. Меньше расторможенности—меньше эвро-активности, больше расторможенности—больше эвро-активности. Из этого следует: максимум эвро-активности будет тогда лишь, когда при достаточном потенциальном максимуме будет еще достаточная максимальная расторможенность. А так как расторможенность, в свою очередь, зависит от степени психического, в прямо пропорциональном отношении, то максимум эвро-реактивности будем там, где максимум психотизма будет одновременно с максимумом потенциала одаренности, т. е. когда $H=P$, в то время как H пусть будет какой угодно величины по шкале, но раз P сравнительно мал по этой же шкале, то эвро-активность будет слабая. Иначе говоря: максимальная эвро-активность по этой шкале будет там, где встретятся максимальные возможности с обеих сторон, т. е. со стороны психотизма и со стороны одаренности.

Рассматривая дальше нашу скалу, мы имеем следующую вариацию психо-эвротических пропорций: группа $P>H$. Здесь мы видим следующие соотношения: потенциал одаренности идет на убыль, степень же расторможенности растет прогрессивно, растет следовательно и элемент активности, (resp. психотизма) несмотря на то, что эта активность не соответствует надобности и целесообразности эвроактивности. Мы увидим после, что вследствие такой пропорции психотического начала, симптоматология эвро-реактивных типов этой группы будет резко окрашиваться психотическим колоритом и чем более по этой шкале вниз будет увеличиваться психотический компонент, тем более будет расти несоответствие и дисгармоничность между уменьшающимся потенциалом одаренности, и увеличивающейся степенью расторможенности (resp. психотизма). Соответственно этому будет расти психотическая окраска данной личности. При не очень резком преобладании психотического компонента над компонентом ода-

ренности, эта группа, с такой психо-эвротической пропорцией, дает тех гениев большого ранга, которые, несмотря на высокий удельный вес их одаренности, все-таки резко проявляют свои психотические симптомы. Сюда относятся такие гении, как Шопенгауер, Руссо, Шуман, Ницше, Достоевский и др.

Чем далее по этой скале будет увеличиваться психотическое начало, тем, следовательно, увеличенная расторможенность все более и более не будет соответствовать уменьшающемуся потенциалу одаренности, тем более симптомы психотические будут увеличиваться и преобладать над симптомами эвро-реактивности. Энергия одаренности как бы «разжижается» все более и более в массе психотической, так что предел скалы Р, где потенциал одаренности сводится к минимуму, будет уже граничить с чистым психотизмом. Такие психотики, относящиеся к этой последней группе эвро-реактивных типов, будут представлять из себя тех творящих душевно больных психиатрических лечебниц, творчество которых так расплывается в непропорциональном для этого творчества психотическом компоненте, что уже теряет свою ценность. Само собой разумеется редуцирующая способность этих типов падает все более и более, чем более уменьшается потенциал одаренности.

Таким образом, из такого беглого обзора всей этой скалы психо-эвротических пропорций, мы видим, что роль психотического компонента весьма различна и что от этой роли будет зависеть и структура эвро-реактивных типов, а именно:

1. В одной группе эвротиков (группа $H \gg P$ и примыкающая к ней $H > P$) отмечается недостаточная психотизированность и мы их можем обозначить как группу *недостаточно психотизированных эвротиков*.

2. Другая группа эвро-реактивных типов $H = P$ и примыкающих $H > P$ и $P > H$ (иначе центральная по этой скале группа) отмечаются более или менее хорошей компенсацией H и P , в отношениях друг к другу, или, если можно так выразиться, хорошо «нейтрализованные» или — хорошо «насыщенные» по отношению друг к другу. По этому эту группу можно обозначить как *хорошо психотизированных эвротиков*, (или *хорошо психотизированных типов*).

3. В третьей группе психо-эвротических типов, мы видим нарастающую непропорциональность P и H , в смысле увеличения P , так что эти типы являются чрезмерно «насыщенными» психотизмом и их можно обозначить как *чрезмерно психотизированных эвротиков*.

Из этого мы увидим, что структура эвро-реактивных типов будет зависеть (кроме других моментов) от достаточной или недостаточной психотизированности этих типов.

Итак по всей, бегло нами рассмотренной, скале психо-эвротических пропорций мы имеем 5 основных групп, которые структурно будут характеризоваться различной симптоматологией. Конечно, это деление лишь схематическое и в действительности

между этими группами будут переходные подгруппы, которые будут стоять на границе той или иной главной группы.

Общая схема этих групп будет такова:

Группа I. ($H \gg P$). Группа латентных эвротимиков («скрытых талантов»). Крайняя предельная группа по этой скале с максимальным пассивным потенциалом одаренности. Минимальный психотизм (препсихотизм). Минимальная расторможенность и минимальная эвро-реактивность

Группа II ($H > P$) Группа потенциальных эвроидов («таланты», «большие таланты»). Средняя группа с большим преобладанием потенциала одаренности над значительным психотизмом, с значительной активностью, приближающая эти типы к высшим типам талантов и гениев.

Группа III. ($H = P$). Эвро-френическая группа «гениев» или великих людей, приближающихся к «гениям». Центральная группа (высший тип гениальности), с потенциалом одаренности, дающим максимальную эвро-активность, вследствие большой расторможенности (гепр. значительного психотизма).

Группа IV. ($H < P$). Группа психотических эвроидов, также группа «гениев» с резко выраженным психотическим компонентом. Средняя группа с значительным потенциалом одаренности, но еще с большим преобладанием психотизма, дающая, вследствие этого, большую эвро-реактивность, но ярко и резко окрашенную психотическими симптомами.

Группа V. ($H \ll P$). Группа психотических эвротимиков. Крайняя предельная группа по этой скале с максимальным психотизмом и минимальным потенциалом одаренности. Максимальная расторможенность, но слабая и мало-значительная эвро-реактивность.

Общая диагностическая характеристика эвро-реактивных типов.

1. Эврофренические типы.

Этим термином мы не хотим обозначать какую-либо «болезнь», а определенное биологическое состояние эвро-реактивности, где «френия» входит лишь структурным компонентом в известной про-

порции по отношению к другому структурному компоненту эвротическому.

Клинико-диагностическая характеристика этих типов:

Высшая форма эвро-реактивности (генио-реактизность) психотический компонент клинически проявляется чаще всего как препсихотическое состояние. Иногда поздний психотизм, в форме старческого или предстарческого психоза (Кант, Ньютон).

Редуктивная одаренность наиболее слабая, т. е. гениальность детям (если они вообще имеются) не передается, а эвро-реактивность передается в слабой степени (эвротимия).

Реактивный и редуктивный психотизм почти всегда имеется на лицо, т. е. почти всегда имеется сестра или брат, дочь или сын психотик *). Эврофренические типы происходят всегда от родителей латентных эвротимиков или латентных эвроидов. Психотический компонент сложный, чаще из 2-х противоположных антагонистов: гиперкинетического и гипокинетического психотизма.

Латентные Эвроиды.

Названием «латентный эвроид» мы также не хотим характеризовать какую-либо болезнь или болезненное состояние, а — понимаем под этим термином ту биологическую структуру эвро-активных типов, которая характеризуется следующими особенностями. Психо-эвротическая пропорция конституирована так, что латентная эвро-активная сила продуцируется лишь частично-активно. Громадное же, преобладающее ядро одаренности остается латентным, вследствие недостаточной расторможенности. Недостаточная расторможенность, в свою очередь, есть результат недостаточно психотизированной пропорции. Громадная потенциальная одаренность преобладает над активной одаренностью, поэтому эвроид продуцирует свою эвро-активность лишь частично.

Симптомами такого состояния служат следующие данные:

1. Высота (качественная) и длительность (в смысле передачи одаренности потомкам) редуктивной силы *) этой одаренности — громадна.

Твой эвроид, несмотря на высокую степень своей продуктивности делающей его часто «гением», передает свою латентную эвро-активность целому ряду поколений (в противоположность эврофреническому типу, который ничего не передает своим потомкам или незначительно передает). Как пример латентности: семья Бах'и Бернули и проч.

2. Психотический компонент проявляется клинически как препсихотическое состояние.

*) См. Гипостатическая реакция гениальн. одаренности.
Кл. Архив Ген. и одарен. выпуск II-25 г.

Психотические эвроиды.

Под психотическими эвроидами мы обозначаем те эвро-реактивные типы, у которых психотический компонент в психо-эвротической пропорции преобладает над кумулятивным потенциальным компонентом. Симптомы психотические, вследствие такого соотношения, резко преобладают.

Симптоматология этих типов сведется к следующим данным.

1) Психотический симптомокомплекс далеко выходит за пределы препсихотического.

2) Редуктивная одаренность слабая.

3) Высота реактивной одаренности приближает этот тип также к «гению» (по мере близости к средней линии психо-эвротической пропорции), но психотический симптомокомплекс резко окрашивает личность и его творческую продукцию.

4) Реактивный и редуктивный психотизм определенно выражен, т. е. всегда имеется брат или сестра, или сын, или дочь психотик.

5) Сдвиги психо-эвротической пропорции выражены резко (см. в этой книге «Сдвиги психо-эвротической пропорции гениальности»).

6) Исходные психические состояния сопровождаются отсутствием эвротических приступов.

7) Психотический компонент настолько велик по отношению к компоненту одаренности, что не может быть «нейтрализован» достаточно, в виду этого компонент одаренности имеет специфическую окраску «болезни», а творчество этих типов часто имеет колорит определяемый многими авторами как «патологическое творчество».

Эвро-тимикл.

Под названием эвро-тимиков мы выделяем ту группу эвро-реактивных типов, у которых эврореактивность есть нечто, во 1-х, спорадическое, во 2-х, кумулятивный компонент в психо-эвротической пропорции играет мало активную роль в сравнении с другими компонентами (компонентом эпистатическим, психотическим). Причем эвротимики, по своей структуре, разделяются резко на 2 группы: 1) На латентно-прогрессирующих эвротимиков и на психотических эвротимиков. Латентные эвротимики характеризуются тем, что в психо-эвротической пропорции они имеют громадные потенциальные возможности в смысле одаренности: кумулятивный компонент латентно очень велик, но динамическая возможность очень мала, вследствие торможения эпистазирующих сил, и вследствие ничтожно-малого психотического двигателя. Эвро-редуктивная сила в потенциале чрезвычайно громадна, т. е. латентное «количество» в последующем может перейти в «качество» т. е. в высшую ступень эвро-реактивности, вплоть до эвро-френического состояния. Огромное число отцов

или дедов и других ближайших предков великих людей—суть такие эвротимики (напр. дед Дарвина и пр.).

Латентных эвротимиков можно также характеризовать как преингениальные типы (преингеники). Эти типы характеризуются в общем латентной гениальностью, но продуктивность их слабая, но эта слабая продуктивность не указывает на отсутствие возможности кинетически выявить их, а только указывает на малую активность, вследствие недостатка психодвигателя. Это типы так называемых «бесплодных талантов», латентная сила которых настолько велика, что при филогенетическом сдвиге психо-эвротической пропорции (см. ниже) у них может быть потомок «гений» или вообще нечто более, нежели эвротимик. Вследствие такой возможности генетического перехода из эвротимика в более высшую группу, мы можем их также обозначить как «прогрессивных эвротимиков».

Психотические эвротимики (регрессирующие эвротимики).

Этот эвро-реактивный тип характеризуется малым, сравнительно, потенциалом одаренности в психо-эвротической пропорции, в сравнении с другими. В то же самое время, психотический компонент очень велик сравнительно. В результате такого соотношения динамическая сила психотизма хотя и велика, но кумулятивное ядро, а вместе с тем и продукция, как бы «разжижена» в массе психотических переживаний, и творчество не имеет насыщенной концентрации и кумулятивной силы. Второе, чем характеризуется у этих типов эвро-реактивность суть спорадичность этой эвро-реактивности. Кратковременность и в то же самое время импульсивность приступов эврореактивности также характерны для этой группы. В общем, к этой группе принадлежит все то творческое-артистическое, которое проявляется в творчестве душевно-больных психиатрических заведений. В этом творчестве всегда чувствуется «разжиженность» кумулятивной энергии в массе психотических переживаний.

При сдвигах психо-эвротической пропорции одаренности (о чем будет речь ниже) мы видим, что у этих типов часто бывает трансформация кумулятивной одаренности из одного «качества» в другое «качество», т. е. скачек из одного вида одаренности в другой. Например лицо бывшее до сих пор музыкантом делается, под влиянием сдвига психо-эвротической пропорции, живописцем и наоборот (об этом см. следующую нашу работу). К подробному изучению и подробной характеристике этих типов, мы вернемся в последующих наших работах, пока же здесь мы наметили грубую схему этих типов.

Сдвиги психо-эвротической пропорции Гениальности.

Д-ра Г. В. Сегаллина

Психо-эвротическая пропорция не есть нечто постоянное у эвро-реактивных типов, а подвержена периодическим закономерным сдвигам. Иначе говоря: какойнибудь определенный эвро-реактивный тип с определенной психо-эвротической пропорцией, под влиянием факторов, о которых речь будет ниже, может так структурно изменяться, что бывшая до сих пор психо-эвротическая пропорция переходит из одной группы в другую, причем могут быть самые различные формы и типы таких сдвигов.

Наиболее типичные формы этих сдвигов будут следующие:

1. Сдвиги психо-эвротической пропорции из группы высших форм (эвро-френические формы, эвроидные формы) в сторону низшей группы (эвротимические формы), т. е. сдвиги психо-эвротической пропорции переходят в регрессивную форму.

2. Сдвиги психо-эвротических пропорций от низших групп в высшие группы. Например: переход эвротимика или эвроида в высшую эврофреническую форму.

Сдвиги эти имеют тенденцию переходить из низших групп психо-эвротических пропорций в более высшую, а потому мы их называем прогрессивной формой сдвигов психо-эвротических пропорций.

1. Сдвиги психо-эвротической пропорции группы (от высшей группы к низшей группе). Регрессивные сдвиги психо-эвротической пропорции.

Здесь речь идет о тех случаях, когда эвро-реактивный тип высшей группы переходит из эврофренического состояния в психотического эвроида или из потенциального эвроида переходит в психотического эвротимика. Как на такой пример можем указать на Ньютона.

Ньюто н в 1692 году переживает резкий психотический сдвиг психики, вместе с тем резкий сдвиг психо-эвротической пропорции гениальности. Ньютон, известный своими великими трудами, как высший эвро-френический тип (по нашей терминологии), перестает быть таковым с этого момента и делается впоследствии психотическим эвроидом.

О его психотических переживаниях мы имеем следующие данные.

С 1692 года, т. е. когда Ньютону было 52 года, здоровье его стало резко ухудшаться. До этого он был опечален смертью матери.

Отсутствие аппетита, частая бессоница и сильное нервное расстройство показывали, что болезнь была серьезна, но никто не знал чему именно ее приписать.

Проф. Мейбус замечает, что болезнь его до сих пор еще не совсем ясна. Симптомы болезни напоминают (по его мнению) нервные расстройства, иногда наблюдаемые после инфлюэнцы.

Проф. Розенберг (один из новейших биографов Ньютона) отмечает, что ухудшение его здоровья совпадает с окончанием и с появлением на свет его монументального творения: «Математические начала философии природы», которое стоило ему многих лет самого упорного умственного и физического труда. Кроме того одиночество, непонимание современниками его великих заслуг, материальные лишения вместе с якобы мозговым утомлением от необычайного напряжения умственных сил—не могло не поколебать его здоровья, почему появление на свет его труда сопровождалось ослаблением его умственных сил, припадками все возрастающей меланхолии и утратой им понимания своего положения.

Несчастный случай (пожар в его комнате от свечи, где сгорели его рукописи—плоды многолетних трудов) еще более расстроил его здоровье и даже, по мнению Био, помрачил на время его разум. Об этом также свидетельствуют современники.

В дневнике некоего Авраама де-ля-Прима, под 3-м февраля 1692 г., находится следующая заметка: «Сегодня я слышал следующее. Здесь есть некто Ньютон, член коллегии Троицы, которого я часто видел, и который весьма знаменит своей ученостью. Это отличный математик, естествоиспытатель, богослов и т. д. и уже несколько лет состоит членом Королевского Общества. В числе других ученых книг и трудов прежде всего нужно упомянуть его «Математические начала философии природы», благодаря которым он особенно прославился и получил множество благожелательных писем, особенно в Шотландии. Вот уже 20 лет, как он усердно трудится над светом и объяснением цвета тел, для чего им сделано более 1000 опытов и истрачено несколько сот фунтов стерлингов. К этой книге он подготовлял добавление, но внезапно все его труды пропали. Все они сполна сгорели на его письменном столе, в то время как он был в капелле, вследствие того, что он, уходя, забыл погасить свечку; это так поразило его, что все думали, он совсем рехнулся и несколько месяцев он был совсем не в своем уме» (стр. 74 биогр. Ньютона Маракуева).

О болезни Ньютона, будто бы причиненной пожаром, случившимся в его комнате, упоминает не раз и Гюйгенс. В его математических сочинениях находится об этом вполне определен-

ная заметка (помеченная 29 мая 1694 года). В ней значится следующее:

«Шотландец доктор Кольм сообщил мне—пишет Гюйгенс— что знаменитый геометр Исаак Ньютон, полтора года тому назад впал в умопомешательство, частью от чрезмерных трудов, частью же вследствие горести, причиненной ему пожаром, истребившим его химическую лабораторию и многие важные рукописи. Г. Кольм прибавляет, что вследствие этого происшествия Ньютон представлялся Кэмбриджскому архиепископу, причем в разговорах обнаружилось умственное его расстройство.

Тогда друзья взяли его для излечения и, заключив в комнату, заставили принимать волею или неволею лекарства, от которых здоровье его поправилось настолько, что теперь он начинает уже понимать свою книгу «Начала».

Все эти свидетельства современников Ньютона показывают, что они интересовались фактом болезни Ньютона, как явлением исключительного несчастья (болезнь после пожара).

Ломброзо так же говорит о болезни Ньютона (в связи с пожаром) следующее:

«В 1693 году, после второго пожара в его доме и после непомерно усиленных занятий, Ньютон в присутствии архиепископа начал высказывать—такие странные и нелепые суждения, что друзья нашли нужным увести его и окружить самым заботливым уходом.

В это время Ньютон, бывший прежде до того робким, что даже в экипаже ездил не иначе, как держась за ручки дверец, затеял дуэль с Вилларом, желавшим драться непременно в Севеннах. Немного спустя, он написал два, приводимых ниже письма, сбивчивый и запутанный слог которых вполне доказывает, что знаменитый ученый совсем еще не оправился от одолевшей его магии преследования, которая действительно развилась у него снова несколько лет спустя. Так в письме к Локку он говорит: «Предположив, что Вы хотите запутать меня при помощи женщин и других соблазнов и заметив, что Вы чувствуете себя дурно, я начал ожидать (желать) вашей смерти.

Прошу у Вас извинения в этом, а также в том, что я признал безнравственными, как Ваше сочинение «Об идеях», так и те, которые издадите впоследствии. Я считал Вас последователем Гобса. Прошу Вас извинить меня за то, что я думал и говорил, будто Вы хотели продать мне место и запутать меня. Ваш злополучный Ньютон».

Несколько определеннее он говорит о себе в письме к Пеппи:

«С приближением зимы все привычки мои перепутались, затем болезнь довела до того, что в продолжении двух недель не спал ни одного часа, а в течение последних пяти дней даже ни одной секунды (какая математическая точность). Я помню, что писал Вам, но не знаю, что именно: если

Вы пришлете мне письмо, то я вам объясню его». Когда у него, находившегося в таком состоянии спрашивали разъяснения по поводу какого-нибудь места в его сочинениях, он отвечал: «обратитесь к Муавру—он смыслит в этом больше меня». Он был убежден в том, что он преследуется целым сонмом врагов (Ломброзо). Из всех этих данных мы видим, что Ньютон пережил какое-то психотическое состояние.

Но повидимому вскоре этот приступ болезни миновал, так как вскоре он начал занимать важные посты и высокое положение, как ученый и общественный деятель: он делается директором монетного двора, избирается в члены Парижской академии (в 1693 г.), избирается депутатом в парламент от Кэмбриджского университета (в 1701 г.), избирается президентом Лондонского королевского общества (1703 г.).

Но впоследствии он опять переживает психотическое состояние, вместе с чем у него происходит резкий сдвиг психо-эвротической пропорции и он превращается в патологического эвроида, ибо тогда-то он и написал, вероятно, «Хронологию», «Апокалипсис» и Письмо к Бентлею. Сочинения туманные, запутанные и совершенно непохожие на то, что было написано им в прежние годы.

Ломброзо справедливо говорит, что только в состоянии невменяемости мог Ньютон сочинять толкования на апокалипсис или когда писал Бентлею: «Закон тяготения отлично объясняет удлиненную орбиту комет, что касается круглой орбиты планет, то нет никакой возможности уяснить себе ее в одну сторону, а потому она могла быть произведена самим богом».

Араго совершенно справедливо находит такой способ доказательства научных истин по меньшей мере странным. И однако же в своем сочинении об оптике Ньютон сам восстает против тех исследователей, которые, по примеру последователей Аристотеля, допускают существование в материи каких-то таинственных свойств, и через это, без всякой пользы для науки, задерживают изыскания исследователей природы.

Кроме Ньютона, как на примеры аналогичных сдвигов психо-эвротической пропорции регрессивной формы можно было бы указать на целый ряд великих людей. Среди них, между прочим, на Канта, Гоголя и Стриндберга.

Стриндберг точно также переживает такой сдвиг под влиянием психотических переживаний, благодаря чему он из натуралиста превращается в мистика.

Стриндберг представляет из себя один из типичных патологических эвроидов. В течение больше 2-х десятилетий он был одержим таким процессом, который можно было бы назвать шизифреническим. Однако, несмотря на свой патопсихический симптомокомплекс в нем, его личность так органически была связана в нечто целое с его феноменальной одаренностью и талантом, что мы иначе себе не могли его и представить. Но

в нем резко бросается в глаза то, что личность и его творчество так охвачены психотизмом, что он является преобладающим и доминирующим. Тут мы несомненно имеем тип великих людей, обозначенный нами как тип патологического эвроида. Стриндберг в течение более 2-х десятилетий страдал этим шизофреническим процессом. Процесс этот начался с 80 годов. В своем течении этот процесс характеризуется 2-мя большими толчками, которые имели своими высшими точками годы: 1887 и 1896. Первый толчек сопровождается, помимо характерно субъективных соматических и припадочных явлений, еще и классическими приступами бреда ревности, затем приступами бреда преследования и бреда уничижения (*Beeinträchtigungswahn*), а также склонностью к необыкновенным научным изысканиям. 2-й толчек в 1894 г. производит полный переворот во всем его мирозерцании, и сопровождается массой галлюцинаторных и параноических переживаний, заполняющих его всецело.

Затем с 1897 г. начинается некоторое ровное развитие процесса, переходящее, в так называемое, «исходное» состояние болезни; за этот период большинство симптомов продолжают существовать, но теряют несколько прежнюю остроту течения.

Характерно, что за эти годы (т. е. 1892—97), годы 2-х острых вспышек болезни, творчество его сводится на нет. За это время (1892—97 г.) он занимается алхимическими и тому подобными занятиями, а в 1896 году он забрасывает и эти занятия. С этого времени он начинает разрабатывать свои автобиографические переживания в «*Inferno*» и «*Legenden*», а в 1898 году начинается вновь сильная волна количественно мощной продукции, в особенности драматического творчества. Причем бросается в глаза, что драматическая продукция ограничивается периодами между отдельными сдвигами.

Творчество Стриндберга, до развития высшей точки болезни и после, характеризуется резкими отличиями. Если в ранний период, творчество Стриндберга более четко, выразительно, хо, рошо акцентуировано, то позже, в период после сдвигов болезни, творчество его более монотонно; встречаются часто «плоскосты», наивности. Его друг Пауль говорит о его творчестве после появления его «*Inferno*»: «Он уже больше не тот человек. Тот, кто мог штурмовать все недосыгаемое, кто создавал гениальные произведения, кто был неумолимый правдоиспытатель—был уже не тот. Бурлящая и захватывающая сила его рассказа, против которой никто не мог устоять—потеряла теперь свое настоящее дыхание»...

Точно также сдвиг этот меняет и содержание его произведений. Первый сдвиг его болезни рождает то женоненавистничество, присущее Стриндбергу, которым пропитаны были такие произведения, как «Отец» и «Товарищ». 2-й сдвиг имеет последствием то, что в начале 90-х годов происходит переворот всей его сущности.

Будучи раньше реалистом по духу он делается теперь мистиком, все он обволакивает атмосферой таинственного, хотя он свои теософические настроения переживает в реалистических рамках.

В основу своих произведений он кладет автобиографические переживания своей личной шизофренической психики. Все обволакивается в шизофреническом колорите таинственного, снодобного: будет ли это касаться темы о плохом обеде, шума ветра—все реальные конкретные вещи преломляются в шизофренической психике. Все интузируется шизофренически. Все и весь мир получает аутистический контекст шизофреника.

К этой же 1-й группе (регрессивных) сдвигов психо-эротической пропорции относятся также и те многочисленные случаи, когда из потенциальных эвроидов данные эвро-активные типы, после сдвига психо-эротической пропорции превращаются в обыкновенного эротимика. Сюда относятся, например, большинство вундеркиндов. Именно те вундеркинды, которые дают, будучи детьми, блестящую эвро-активность, дающую основания квалифицировать их как потенциальных эвроидов, однако, при наступлении физической зрелости у них пропадает эта высокая степень эвроактивности и они превращаются в умеренно реактивных эротимиков. Явление обычно-наблюдаемое у вундеркиндов. Здесь, следовательно, наблюдается регрессивный сдвиг психо-эротической пропорции из высшей группы в низшую группу.

2. Сдвиги психо-эротической пропорции II-й группы. От нижней группы к более высшей группе (прогрессивные сдвиги).

Сюда относятся такого рода сдвиги психо-эротической пропорции, когда у латентного эротимика, под влиянием какого-либо экзогенного заболевания (скажем, прогрессивный паралич и проч.), психо-эротическая пропорция сдвигается таким образом, что данный эвро-активный тип, из латентного эротимика, превращается в психотического эвроида.

Как на яркий пример такого рода сдвига психо-эротической пропорции укажем на случай художника Брохиса.

А. Луначарский, по поводу устроенной в Лозанне русско-польской картинной выставки, сообщает в «Дне» (№ 348) такого рода данные о художнике С. Брохисе *).

«...Брохис, как мне удалось узнать,—пишет Луначарский,—сын зажиточного кожевенного или сапожного фабриканта в России. Отец в нем художественных талантов не поощрял, да чуть ли и сам покойный не ощущал в себе никаких дарований этого рода до приезда своего за границу, куда был послан своим отцом с чисто коммерческими поручениями.

Но, появившись в Париж, С. Брохис внезапно почувствовал непреодолимое влечение к живописи и не без борьбы, не без лишений, отстаивая свое право остаться в Париже и учиться любимому

*) Цит. из Бюлл. Литер. и Жизни № 9 1916 г., стр. 444.

искусству. К этому времени по возрасту своему, он был уже человеком зрелым. На близких ему людей производил впечатление человека робкого, в духовном отношении несколько ограниченного, а в смысле специальных живописных дарований—никаких надежд не подающего.

Ни к старому благородному стилю, ни к смелому новаторству последних годов, покойный не чувствовал никакой симпатии. Его больше привлекала шикарная манера некоторых вполне второстепенных полумастеров, эффектная и внешняя виртуозность которых казалась бедному Брохису вершиной искусства.

«Ах, если бы мне писать так, как Х», восклицал он и называл при этом художника, имеющего успех исключительно среди бравурной живописи.

Таким Брохис уехал из Парижа, восемь месяцев тому назад, в Лозанну. Кажется, уже в Париже заметны были за ним некоторые странности. Он страдал разными нервными мелкими расстройствами. В Лозанне положение стало быстро ухудшаться. Симптомы сделались тревожными. Пришлось пригласить врачей. Врачи заподозрили прогрессивный паралич. Приблизительно через полгода после переезда в Лозанну, покойный, уже явно ненормальный человек, был вдруг охвачен могучим порывом творчества. Ни с кем не разговаривая, почти не выходя из комнаты, небрежно питаясь, Брохис пишет одну картину за другой. Все это—небольшие полотна: *nature morte* и пейзажи. Больной не придает им никакого значения по их окончании. Он бросает конченную вещь в угол, натягивает опять полотно или что подходящее попало под руку и в лихорадке продолжает творить. Странные произведения эти казались, как близким художника, так и психиатрам особенно ярким симптомом крушения духовных сил Брохиса. Ничего напоминающего его прежние старания достигнуть вкусной красочности и ловкого рисунка. На взгляд людей, мало привыкших к новейшим исканиям в области искусства, это было просто малевание сумасшедшего.

Так, можно сказать, за мольбертом и умер Брохис, явным образом от прогрессивного паралича. Картины его валялись беспризорным хламом в каком то темном углу. Нельзя не выразить глубокой благодарности двум русским художникам в Лозанне (В. Явленскому и М. Веревкиной), которые, раз получив возможность взглянуть на эти вещи, со всем рвением, если хотите, даже с благоговением, отдались восстановлению погибавшего наследства. Многие картины оказались отсыревшими, продырявленными, запыленными, хотя от роду то им было всего несколько месяцев. Еще несколько недель и замечательная серия была бы навсегда утеряна.

Я думаю, что нисколько не ошибусь, признав ее, даже безотносительно к ее удивительному происхождению, за очень большую художественную ценность. Мне кажется, что, распороченная по одиночке, она несколько потеряет, хотя и каждое отдельное

полотно остается сильным и интересным. В целом же это как бы связанная живописная исповедь оригинальнейшей души. Особенно отмечу здесь, что картины Брехиса, вызывающие восторг у ультрамодернистов, в то же время находят высокую оценку и со стороны самых неуступчивых консерваторов. Не свое мнение выражаю я, говоря о их высокой артистической ценности, а, если не ошибаюсь, поголовное мнение сотен лиц, посетивших выставку.

Преувеличивать оригинальности их не надо. Этот Брехис второй манеры, этот новый, неожиданный, подземный Брехис вдруг вырвавшийся откуда-то и начавший хозяйничать в руинах мозга первого Брехиса, не с неба упал. Заметны влияния Сезанна, сильное увлечение и хорошее понимание валентности, стремление к вещности, убедительности, настойчивой реальности изображаемого. Огромный нервный порыв, который пронесется во всем сумрачном мире, отражающемся на 18 полотнах Брехиса роднит его с произведениями последнего, т. е. заметьте, сумасшедшего периода творчества Ван-Гога.

Однако это не Сезанн и не Ван-Гог. У Брехиса оказалась совершенно своеобразная гамма мрачных, каких то пепельных, зловещих, таинственных тонов, каких нет у его новых метров. Да и откуда появились сами метры? Ведь первый Брехис, нормальный Брехис, их не признавал и ими не интересовался? Это странные и, как с первого взгляда ясно, больные видения.

Больной Брехис не интересуется живым в мире, но не живой мир видит живым и жутким. Вещи кажутся ему теперь интересными, страшно интересными. Он пишет их портреты. Они—то притаившиеся у него, хранящие какой-то секрет, то ужасно важные, внушительные. Книга лежит, и вся полна сознанием своей бескости. Тяжелый Будда жив, но жив не человекоподобной внешностью,—это одна маска,—а внутренней жизнью заколдованного куска материи; материя вся заколдована и зла. Любопытно записать ее—эту ехидную злобу, и можно без чрезмерного ужаса к ней приближаться: она хоть живая и злая, но пошевелиться не может. И все это написано жесткой, темной кистью, уверенно, широко, отчетливо, с мастерским чувством Valer'ov.

Но хуже в мире второго Брехиса растениям. Цветы у него сильно страдают; каждый лепесток их словно с болью высвободился, вырвался из косного и как то напряженно вытаращился на свет в испуге, не умея жить, предчувствуя смерть. Цветы словно жаждут расти и расширяться, а вместе с тем, кроме большого усилия и страха, жизнь им ничего не несет.

Деревья особенно похожи на вангоговские. Вероятно, это ветер заставляет их так тспорщиться, щетиниться, так махать ветками, закрученными в отчаянии?—Нет, это только кажется, они сами шевелятся таким образом.

Дома у Брехиса все зловещи. Вовсе не потому, чтобы можно было предположить, будто в них живут злые и опасные люди. Вероятнее всего, что в них живут люди пришибленные и запуган-

ные. Выстроили себе дом, жилище, не упустили из виду зачарованную жизнь материи, и теперь дом живет сам и не любит своих жильцов».

Таким образом, из этого случая с художником Брохисом, нам видно, как из латентного эвротимика, под влиянием экзогенного заболевания (прогрессивным параличем, в данном случае) вместе с психотическим сдвигом происходит сдвиг психо-эвротической пропорции прогрессивного характера (в высшую форму из низшей формы) II-ой группы.

Точно также, как яркий, аналогичный Брохису, пример, резкого сдвига психо-эвротической пропорции, представляет из себя художник И о з е ф з о н.

И о з е ф з о н, известный шведский художник, резко отмечает в своей продукции грань—до болезненного сдвига его психики и после сдвига. В его «здоровое» время (препсихотическое) Иозефзон—художник натуралист. Произведения его этого времени, давшие ему положение известного художника, несут характер реализма, но, благодаря психическому сдвигу, вследствие резкого шизофренического заболевания, происходит полный переворот в его творчестве. Рождается совершенно другой Иозефзон. От его реализма ничего не остается. Между его произведениями этого периода психотического и произведениями препсихотического—полная пропасть. И именно характеризуется демоническим и фантастическим содержанием, без определенных форм очертаний. Эти произведения его, нарисованные в спокойных линиях и без экзотичности, при отсутствии пропорций и формы (свойственные натурализму), однако ничуть не уменьшают их большие художественные достоинства, богатого тонкого вкуса, глубокого проникновения и тонкого чутья для декоративного творчества.

Таким образом творчество этого периода дало совершенный новый мир гипостатически скрытых художественных ценностей. быть может, более ценных, чем продуцированных им в его период реалистического направления.

Сюда же относятся и те примеры исключительных вундеркиндов-эвроидов, которые отличаются высокой талантливостью и в период их физической и психической зрелости переживают такой психический сдвиг, который не только не снижает их психо-эвротическую пропорцию (как это чаще бывает у вундеркиндов), но, наоборот—психо-эвротическая пропорция сдвигается в высшую (прогрессивную) форму, так что из евроида данный вундеркинд превращается в высший эвро-френический тип (гения).

Таким примером является Моцарт—вундеркинд, сделавшийся затем Моцартом—великим композитором.

Психо-эвротические сдвиги филогенетического характера.

До сих пор, когда была речь о сдвигах психо-эвротических пропорций, разговор шел об онтогенетических сдвигах, т. е. о тех

сдвигах, которые происходят в течение жизни данного эвро-реактивного типа. Аналогичные же сдвиги (или скачки) происходят также из поколения в поколение филогенетически.

При филогенетических сдвигах психо-эвротических пропорций эти сдвиги происходят таким образом: когда 2 эвро-реактивных типа находятся в одной родовой цепи, скажем, отца и сына, то психо-эвротические пропорции относятся друг к другу так: Отец—эвротимик,—сын—эвроид. Или: отец—эвротимик, сын—эврофренический тип. Следовательно, при переходе наследственной одаренности от одного филогенетического типа к другому, произошел сдвиг или скачек психо-эвротической пропорции, в смысле прогрессирующего значения. Когда же происходит обратный процесс, т. е. филогенетический сдвиг, имеющий регрессивное значение, тогда у этих двух филогенетических типов психо-эвротическая пропорция конституируется таким образом: Отец—эвроид, сын—эвротимик. Тут происходит, таким образом, тот процесс редукции одаренности, о котором мы говорили в другом месте. (См. Гипостатическая реакция гениальной одаренности. Клинич. Архив Гениальности и одаренности, выпуск 2-й 1925 года).

Причина сдвигов.

Причина сдвигов психо-эвротической пропорции может быть тройкая:

1. Течение психотического компонента.
2. Истощение компонента одаренности.
3. Наростание эпистатического компонента.

Рассмотрим сначала течение психотического компонента, как причину сдвигов. Так как в огромном большинстве случаев—психотическим компонентом у великих людей входит шизофрения (или шизоидное состояние), то обратим внимание на течение этого психотизма, в связи с сдвигами психо-эвротической пропорции.

Шизофрения, как известно, протекает сама по себе толчками. Причем эти толчки вначале развития этой болезни могут быть незаметными и настолько неглубокими, что личность в корне не меняется, а лишь получает как бы новую модуляцию в своем развитии. Личность мало интересовавшаяся до сих пор стихами, вдруг, под влиянием приступа аутизма, начинает усиленно писать стихи. Этот небольшой психотический сдвиг, сопровождавшийся таким приступом легкого аутизма, личность эту, как таковую, не изменил, но придаст ей что то новое: мечтательность, оживленную деятельность фантазии, захватывающую эту личность, и вместе с тем склонность к стихам. До тех пор, пока такие сдвиги незначительны и легко компенсируются относительной цельностью личности, они не влияют опустошающим образом на психо-эвротическую пропорцию. Но как только такие сдвиги делаются значительно глубже, приупляется эмоционально-волевой, ассоциативный аппарат, личность резко меняется, ме-

няется резко и психо-эвротическая пропорция. Вспомним толчки в течении психотического компонента у Гоголя: в конце концов сдвиги в его психике стали значительны и психо-эвротическая пропорция настолько резко передвинулась книзу по скале, что он утрачивает способность писать 2-й том «Мертвых душ» и все произведения этого периода носят печать резкого психотизма, в сравнении с прежним хорошо компенсированным периодом.

II. Истощение кумулятивного компонента, как причина сдвигов психо-эвротической пропорции.

Помимо самого течения психотического компонента, могущего влиять в смысле снижения психо-эвротической пропорции и помимо того, что сам по себе прогрессирующий психотизм может также резко опустошающим образом влиять на самое кумулятивное ядро одаренности, кумулятивный компонент может резко истощаться уже в силу того, что энергия эта непрерывно себя разряжает, будучи сама по себе, все-таки, энергией не безграничной в своем объеме и количестве, в конце концов естественно истощается. Конечно, не всегда легко определить, что, в каких случаях, играет большую роль: течение ли психотического компонента или истощение кумулятивного компонента.

Надо думать, что обе причины идут рука об руку, если эвротический период продолжался значительный промежуток времени.

III. Рост эпистатического аппарата, как причина сдвигов.

Мы имеем в виду те случаи, где вундеркинлизм у эвро-активных детей постепенно начинает иссякаться и начинает бледнеть феноменальное проявление таланта. Вундеркинлизм такого ребенка постепенно пропадает, по мере того как он перестает быть ребенком и становится зрелым юношей, так что, будучи взрослым человеком, он превращается в заурядного эвротимика. Здесь, в этих случаях, это явление надо объяснить, как сдвиг психо-эвротической пропорции вследствие роста эпистатического аппарата, созревающего по мере того как человек делается взрослым. *- Гипотеза*

Трансформирующее значение сдвигов.

В вышеупомянутых сдвигах психо-эвротической пропорции эти пропорции служат показателем не только отношениям количественной пропорции между психотическим и кумулятивным, но и еще количественным показателем двух следующих, один за другим, этапов кумулятивного компонента. Если какой либо эвро-реактивный тип из эвротимика, благодаря сдвигу психо-эвротической пропорции, стал эвроидом, то этим мы представляем себе прежде всего количественную разницу между настоя-

щим и предыдущим этапом. Т. е., вместе с этим переходом из одного состояния в другое, мы представляем себе, что произошел скачек из одного «количества» в другое «количество» высшего или низшего порядка. Процесс этот мы должны обозначить, как процесс трансформирующий «количество» в «количество» («количественный скачек»). Помимо таких трансформаций количественных, могут быть еще трансформации, где одно «качество» переходит в другое «качество» (помимо количества). Такой процесс трансформации из качества в «качество» происходит тогда, когда психо-эвротическая личность, под влиянием данного сдвига, из эвротика музыканта, примерно, делается эвротиком живописцем, т. е. меняется его профессиональная квалификация по существу, где один вид одаренности трансформируется в другое, нечто новое для данной личности. 1-й процесс мы назовем процессом трансформации «количества» в «количество».

2-й процесс мы называем процессом трансформации «качества» в «качество». При 1-х процессах, при сдвигах происходит обычное (в вышеприведенном смысле) изменение психо-эвротической пропорции, без изменения самой профессии (например, музыкант остается музыкантом, хотя бы и с другой пропорцией). При 2-х процессах, сдвиг меняет по существу профессию данной личности, так что, например, из музыканта он делается ученым или живописцем.

Ломброзо, наблюдавший и исследовавший творчество душевнобольных, отмечает, что творчество и артистические наклонности душевно-больных лишь у немногих обуславливаются старой профессией до болезни и приобретенными привычками до болезни, т. е. появляется новый род творческой артистической деятельности, не бывшей у них прежде. Часто прежняя артистическая профессия или деятельность притупляется или запускается (например, у живописцев), реже обостряется. Как пример трансформации одаренности из одного «качества» в другое «качество» Ломброзо приводит следующий случай: (Цит. по Ломброзо «Гениальн. и помешат.» изд. Павленкова, 1893 г.). Так, занимавшийся всю жизнь физикой известный физик Мельмур, вследствие смерти его жены в день свадьбы, заболевает сгоря психически. Заболевши, он перестает совершенно заниматься своей специальностью и делается словесником. Другой пример у Ломброзо: известный живописец МакКленел, заболевши психически, перестает быть живописцем и делается поэтом.

Ниже мы приводим примеры таких трансформаций (благодаря сдвигам психо-эвротической пропорции) из одного «качества» в другое «качество».

Вильям Блэк—английский художник и поэт живший с 1757 года по 1827 год—представляет пример того, как под влиянием болезни происходит сдвиг психо-эвротической пропорции: он делается художником, не будучи им до болезни, причем особенность его творчества была та, что все его произведения живописи были плодами его галлюцинаций.

Так некий Allan Cunningham свидетельствует о том, как и с каких моделей Блэк писал свои картины. Однажды вечером к нему, Блэку, пришел один из его приятелей и застал его за работой: он писал картину и именно изображение Лотта из библии. Писал его с большим усердием человека, пред которым сидит капризный натурщик. Он вглядывался в одно место, как будто с натурщика, и рисовал, опять вглядывался и опять рисовал, а между тем перед ним решительно никого не было.

— Не мешайте мне,—шепчет художник ему, мне тут один позирует.

— Позирует Вам? вскрикивает приятель удивленно, где же он и кто он такой? Я решительно ничего не вижу.

— Но я его зато вижу,—отвечает Блэк с гордостью. Здесь он, а его имя Лотт. Вы можете о нем читать в святом писании. Он позирует мне сейчас для его портрета.

Таким образом Блэк'у служили моделью его галлюцинации. Точно также, как галлюцинации зрительные служат ему моделью в живописи, так галлюцинации слуховых органов служат ему источником поэтического творчества. Он говорит: «Я пишу стихи, когда дух мне приказывает и в момент, когда я писал, я вижу как слова по всем направлениям летят по комнате»...

Вся его эвроактивность выливается у него в форме галлюцинации.⁶ Его стихи как бы притекают откуда то извне, со стороны какого то другого источника, он только их слышит и записывает.

Об этом он писал в письме от 25-IV 1803 г., где он сам объяснял—каким образом создано было одно из больших его произведений. Он пишет: «Я писал это произведение непосредственно под диктовку по 12, а иногда по 30 стихов за раз, без всяких обдумываний и помимо моей воли». Таким образом существует это невероятное произведение, на создание которого, кажется, будто понадобилась длинная жизнь, а на самом деле создано положительно без всякого труда и без всякой подготовки.

Как яркий пример резкого сдвига психо-эвротической пропорции, трансформирующего эвро-активность таким образом, что «качество» переходит в другое «качество», представляет из себя знаменитый шведский ученый Сведенборг.

Сведенборг, живший с 1688 года по 1772 год, был крупный ученый в естествознании призванный, по своим данным, занимать высшее положение среди ученых Швеции. В 1743 году, под влиянием психической болезни, он переживает резкий сдвиг в своей психической жизни, в результате которого получается не только сдвиг меняющий его психо-эвротическую пропорцию из потенциального эвроида в патологического эвроида, но и трансформирующий его одаренность таким образом, что из ученого-естественника он превращается в теолога-метафизика. Все, что было им создано и написано до этого сдвига, носит характер чистого естествознания. Переживши этот сдвиг—он теряет всякий интерес к естественным наукам. Все его последующее обильное

творчество, после этого сдвига, носит характер совершенно противоположный: философский и теософический с религиозно-метафизическим содержанием.

В 1745 году он заявляет об отставке от всех должностей, занимаемых им. В одной из автобиографий, позже, он дает этому по-ступку такое объяснение: «Господь явился мне, его рабу в 1743 г. и открыл мне одновременно глаза на новый духовный мир. Так, он мне открыл тот высший дар, который, до настоящего дня, дает мне возможность вращаться среди духов и ангелов. С тех пор многие, мне открывшиеся тайны, я стал публиковать. Так, среди прочих других, я открыл, для истины и мудрости, в высшей степени ценные вещи: о небе, об аде, о состоянии человека после смерти... О словах и их духовном значении»...

До 1743 года ученый натуралист, занимавший высокое положение среди естество-испытателей тогдашнего мира, о таких вещах никогда не говорил и не думал попасть в такое состояние, чтоб говорить об этом. Понятно, что в этом злополучном 1743 году, он был одержим резким шизофреническим приступом. В дневнике того же времени, когда он все это переживал, он описывает свои сновидения полные женских образов, среди которых его сексуальность разряжается в эротических оргиях, которые он называет: «*nachtliche Hauptpassion*». О своих видениях Сведенборг сначала говорил совершенно открыто, позже стал сдержаннее. Но часто слышали, как он в своей комнате ночью громко разговаривал, спорил с злыми духами. Позже же это происходило также и днем. Его часто видели с лицом и взглядом резко изменившимся—в глазах «горел огонь». На него смотрели как на умалишенного. В церквях он уже перестал бывать, так как он там не находил себе покоя от всяких «злых духов», которые постоянно при проповедях спорили и возражали.

Во время своих шизофренических приступов он галюцинировал. Об этом он сам рассказывает таким образом:

«Вечером однажды я ел в одной гостинице в Лондоне, по окончании моей трапезы перед моими глазами стал застилать туман и я увидел весь пол покрытый отвратительными животными и гадами, змеями, ящерицами. Я сильно перепугался и еще более перепугался, потому что стало почти темно. Но вскоре темнота пропала и моим глазам предстал человек, окруженный сиянием, сидящий в углу, громким голосом он обращается ко мне: «не ешь так много» и человек этот затем исчезает, а когда я пришел в себя, я пошел домой...

На следующую ночь этот сияющий образ явился ко мне опять со словами: «Я Господь Бог, создатель и избавитель, я тебя избрал, чтоб ты сокровенный смысл святого писания людям пояснил». В эту ночь открылись мне мои внутренние глаза, так что я всех духов неба и ада видеть мог»...

Все, что Сведенборг переживал в состоянии его болезни, все его видения, послужили ему материалом для его нового теологического творчества.

В свое время Сведенберг был знаменит своими некоторыми новыми творениями, которые яко бы должны были доказывать его ясновидение, а также сношения с «по ту сторонним» миром мертвых.

Из всего этого мы видим, что Сведенберг, под влиянием психической болезни, переживает такой сдвиг, что из естественника натуралиста превращается в теолога-спиритуалиста.

Как другой пример, где сдвиги психотической пропорции трансформируют «качество» в другое «качество», мы можем еще привести немецкого художника-скульптора Карла Штауфер-Берн (Karl Stauffer-Bern) (1857—1891 г.). Высоко-талантливый человек, отягченный наследственностью (отец страдал приступами депрессивных состояний), он переживает в 1889 году такой психический сдвиг, в связи с началом маниакального заболевания. Сначала, вследствие столкновения с окружающей средой, он попадает в флорентийскую тюрьму, а затем в психиатрическую больницу. Здесь он впадает в депрессивное состояние, через год он лежит больной, после попытки отравиться хлоралом. Этой попытке предшествовало покушение покончить свою жизнь неудачным выстрелом из револьвера. При наступлении маниакального приступа (после депрессии),—картина резкого возбуждения, с повышенным ассоциативным процессом и повышенным речевым и двигательным возбуждением, быстрой сменой планов и бреда величия, типично обрисовывающих болезнь. Во время этого маниакального периода он забрасывает свою обычную профессию офортиста-скульптора. Он делается поэтом. Поэтический экстаз охватывает все его существо, вплоть до периода улучшения. Из письма, написанного в феврале 1890 года своим родным, во время пребывания во флорентинской психиатрической лечебнице, мы видим характерные черты его маниакальной психики.

«Смотрите, я настолько большой художник и поэт, что даже в 4-х голых стенах я ни на минуту не скучаю. У меня такая фантазия, что я изо дня в день беспрерывно работаю. Как только я буду на свободе, я напечатаю мои стихи, которые займут около 300 страниц и пушу в продажу. Эти вещи абсолютно оригинальны. Заглавие будет такое: Карл Стауфер-Берн *Poesiae Iopus I* «Стихи молодого Вергера, составлены и изданы Вильгельмом мастером».

Литературная продуктивность его правда резко окрашивается маниакальным состоянием, о чем можно заключить по чрезмерно повышенному самочувствию, по скачкообразному легко отклоняющемуся мышлению. Как пример, где патологическое возбуждение вызывает усиленный поток мыслей говорит следующий отрывок:

«Тут мне Бог предложил эти стихи в моей голове, чтоб бороться за правду и красоту; и мне ничего не оставалось делать, как записывать то, что мне напевал незнакомый голос. Может быть он (бог) музу, свою рабыню послал, чтобы разделять со мной несчастье? Не знаю.

Но это я определенно знаю, что я в последние недели находился под сильным давлением, благодаря чему я стал поэтом душой и телом.

Под сильным давлением также, наконец, в эту книжечку карандаш стих за стихом заносил *).

Из этого отрывка видно, что Стауфер-Берн стал эвро-реактивным поэтом под влиянием маниакального состояния, не будучи им никогда раньше.

Таким образом, на этом случае мы видим, что психотический сдвиг, развернувшийся в форме маниакальных приступов, сдвинул психо-эвротическую пропорцию одаренности настолько, что для изобразительного творчества скульптора, этот сдвиг оказался уничтожающим, но зато для скрытого поэтического дарования, бывшего до сих пор затерженным, этот сдвиг открыл до сих пор неведомый поток поэтического творчества. И даже, быть может, дарование по своей полноценности куда выше стоящее дарования скульптора, которое проявлялось в пресихотическом состоянии.

Таким образом сдвиг психо-эвротической пропорции дал скачек не только из одного «количества» в другое «количество», но из одного «качества» в другое «качество».

Тут (в случае Стауфер-Берна) мы видим, что каждое «качество» имеет свою благоприятную пропорцию скалы психотического компонента. Передвигаясь (во время сдвига) по этой скале, соответствующее «количество»—«качество» находит, или более благоприятную для себя психотическую градацию, или, наоборот, менее благоприятную, или совсем уничтожающую градацию. Так, для дарования скульптора у Стауфер-Берна—благоприятно пресихотическое состояние (по скале психотизма). При сдвиге же из пресихотического в психотическое состояние, дарование скульптора пропадает, следовательно, для этого «качества» этот сдвиг оказался уничтожающим. Зато, для скрытого поэтического «качества», психотическое оказалось более благоприятным: открылся в нем новый талант—поэтический.

*) Цит. по Birnbaum, Psychopathologische Dokumente 1920.

К вопросу о соматическом исследовании лиц выдающихся психических способностей.

Доклад на 2 Всероссийском Съезде Зоологов, Анатомов и Гистологов в Москве, 4—10 мая 1925 года.

Б. К. ГИНДЦЕ. Институт Нормальной Анатомии 1-го М. Г. У.

1.

Существуют ли какие-нибудь анатомические особенности у людей выдающихся психических способностей или таковых нет? Если существуют, то какие именно, и где их искать? Может ли морфология дать какие-либо надежды на то, что и ее участие в исследовании проблемы одаренности будет полезным? Вот вопросы, которые встают перед каждым современным исследователем мозга выдающихся людей.

Однако, морфологи, работавшие до сих пор в этой области, ограничивали свои исследования почти исключительно изучением только рельефа коры передних полушарий, и лишь в самое последнее время намечается, повидимому, более широкий подход в этой работе. Между прежними исследователями существовало две группы, из которых одни не ждали никаких положительных результатов от поисков корреляции между морфологией мозга и психической одаренностью, другие же считали подобные исследования заслуживающими внимания.

Наиболее, пожалуй, ярким представителем первой группы является среди русских ученых Д. Н. З е р н о в, а среди западно-европейских Л. Ш т и д а из Кенигсберга.

З е р н о в (37) говорит по поводу исследованного им мозга генерала Скобелева, что «ни вес, ни объем, ни особенности формы извилин не выдвигают его из ряда обыкновенных и не выражают несомненной высоты его функций», и он убежден, что и по отношению к другим выдающимся людям «подобные же заключения подтверждаются, если они будут произведены также подробно и без предвзятых идей».

Ш т и д а (38) исследовал мозг доктора философии Георга Зауервейна, отличавшегося выдающимися способностями к изучению иностранных языков: знал 40—50 языков и мог овладеть любым новым для себя языком в течение нескольких недель настолько, чтобы свободно говорить, писать и сочинять на нем стихи. Несмотря на такую выдающуюся и одностороннюю одаренность Зауервейна, Ш т и д а не мог подметить ничего характерного

и отличного от нормы, как вообще на всем пространстве коры, так и в частности в области, так называемых, центров речи. Ш т и д а приходит к такому заключению: «Анатомические исследования различно устроенных поверхностей полушарий мозга не дают никаких исходных пунктов, на основе которых можно было бы открыть более или менее высокую одаренность обладателя таковым мозгом или даже единичных выдающихся способностей его. На основании морфологических различий нельзя делать никаких заключений».

К числу таких же пессимистов в этом вопросе можно было бы отнести еще целый ряд крупных морфологов, уделявших свое время изучению мозга выдающихся людей, но перечислять их имена и приводить их соображения однако не стоит.

Существуют, с другой стороны, и такие ученые, которые ждут от подобных исследований положительных результатов. В только что вышедшей монографии, посвященной описанию мозга Эрнста Геккеля, Ф. Маурера (23) говорит, что все дело здесь сводится к тому, чтобы правильно ставить вопросы: «спрашивай природу правильным образом, и она тебе ответит». По изучаемому мозгу, думает он, мозгу неизвестного человека пока нельзя еще сделать верного заключения о его психической деятельности, но, «зная жизненную работу человека, интересно исследовать строение его мозга, чтобы узнать, делает ли пайдено понятным эту его жизненную работу, если его сравнить с тем, что ты находишь на мозгу других людей, жизненное поведение которых ты знаешь». И это ожидание Маурера в данном случае не обмануло. Мозг Геккеля по своей «необычайной величине в общем и в частности обнаруживает монументальное развитие» и сделанные наблюдения, хотя встречаются и у обычных смертных, все-же стоят в гармоническом согласии со всем, что мы знаем о всей жизненной деятельности самого Геккеля.

Эта основная мысль Маурера о том, что необходимо правильно ставить вопрос при исследовании мозга выдающихся людей, заслуживает в настоящий момент серьезного внимания. И прежде всего, едва ли можно при современном состоянии науки ограничивать всю задачу только одним изучением рельефа и лишь одних полушарий мозга; вопросы для морфолога должны быть расширены до общего соматического исследования, ибо здесь нельзя не видеть тех новых возможностей, которые открываются изучением цитотектоники, эндокринологии и конституции.

После работ Бродмана учение о клеточной тектонике различных районов мозга в руках Оскара и Цецилии Фохт намечает уже связь между некоторыми психопатологическими состояниями организма и тем или иным видом микроскопических картин мозга. Поэтому, совершенно естественна мысль, искать далее подобным образом возможных корреляций и между картинками клеточного строения отдельных районов коры и выдающимися психическими способностями. Намек на интерес цитотекто-

ники мозга лиц выдающихся психических способностей мы имеем в той же работе Маурера, которая сопровождается кратким резюме исследования коры, произведенного В. Вейманном (23). Последний нашел в ней вообще сравнительно небольшие старческие изменения, сам же Маурер обнаружил в своих микроскопических исследованиях, что строение коры отличается, несмотря на 86-летний возраст знаменитого натуралиста, необычайно сильным развитием наружного зернистого слоя даже в тех местах, где у взрослого человека уже он не бывает так хорошо выражен, как это наблюдается в юношеском возрасте.

Тоже самое надо иметь в виду и по вопросу о снабжении мозга кровью. Совершенно понятно, что должна существовать связь и прямая зависимость энергии и качества работы мозга от количества и, конечно, также качества притекающей крови. Тонкое распределение крови между отдельными районами мозга, как носителями определенных функций мозга, связанными с определенными психическими способностями. Особенно, нужно иметь в виду также и то обстоятельство, что психопатологические и психодегенеративные состояния сопровождаются аномалиями (вариациями с общей точки зрения) морфологического их плана в гораздо более частых случаях, чем это наблюдается с средними людьми. Поэтому совершенно законна мысль искать ответа и по вопросу о том, чем могут характеризоваться сосуды головного мозга людей выдающихся психических способностей и я стремился показать, что отличия действительно повидимому существуют (11, 12, 13 и 14).

Кроме того, в этом вопросе имеет существенное значение также и гистологическое строение самых стенок артерий; по исследованиям Бинсвангера и Шакселя оказывается, что некоторым психопатологическим состояниям соответствуют определенные картины гипоплазии стенки сосудов. Это ставит на очередь вопрос о том какое гистологическое строение имеют стенки сосудов мозга выдающихся людей. Таким образом общая величина артериального русла мозга тонкое топографическое распределение сосудов, а следовательно и относительное количество крови между отдельными топографическими районами мозга, то или иное здесь богатство капиллярами, состояние артериальной стенки и, наконец, характер системы оттекающей крови— все это нельзя не принимать во внимание при решении вопроса о характере деятельности мозга. В этом же смысле, очевидно, не может остаться без исследования общее состояние всего кровеносного и кроветворящего аппарата. Естественно, что если кровь подается в головной мозг сильными нагнетательным аппаратом и по наиболее выгодным гемодинамическим системам, мы в праве ожидать большего эффекта мозговой работы, при прочих условиях, в сравнении с условиями противоположными. Намек на интерес в этом отношении изучения сосудистой системы можно усмотреть в особо выгодном отхождении общей сон-

ной артерии, случайно обнаруженном при вскрытии тела проф. Н. А. Холодковского.

Помимо количества крови, существенное значение имеет также и качество приносимой к мозгу крови, и нам известно, какое огромное влияние и этом смысле оказывает состав гормонов, выделяемых в кровь эндокринным аппаратом. Наблюдения над состоянием психической деятельности при опытах с экстирпацией и особенно с имплантацией тех или иных эндокринных желез с полной ясностью показывают, что в этих гормонах мы имеем могучие регуляторы умственной деятельности и психического состояния человека. Таким образом, анатомо-гистологическое, а может быть и физиологическое описание их должно явиться также предметом исследования при изучении материальных оснований умственной и психической одаренности выдающегося человека. В этом отношении нельзя оставить без внимания также и общее конституциональное и патолого-анатомическое описание всего организма. Значение такого подхода видно хотя бы на примере влияния патологического состояния мягкой мозговой оболочки или преждевременного зарастания черепных швов на умственную деятельность человека. В приведенной выше работе Ш т и д а (39) его внимание остановили на себе мягкие мозговые оболочки мозга Зауервейна, которые приросли к веществу мозга, и он ставит это обстоятельство в связь с головными болями, которыми тяжело страдал Зауервейн всю жизнь, и тем психическим заблуждением, которое у него было в молодости. С другой стороны, какое большое значение имеет повышение внутричерепного давления на работу психики, показывает сообщение проф. Н. Г. Стадницкого на 2 съезде З., А. и Г. об одной высокоодаренной девушке: она стала терять свои способности от повышения внутричерепного давления вследствие опухоли мозга, а затем, после удаления опухоли, ее психическая деятельность восстановилась до прежних размеров.

Таким образом, правильно поставленный вопрос о корреляции между морфологией и одаренностью, гораздо сложнее чем принималось прежде, и он охватывает полное биопсихическое и морфологоконституциональное исследование личности с выдающимися психическими способностями.

II. План исследования организма выдающихся людей.

Из предыдущего ясно, что при описании мозга людей выдающихся психических способностей нельзя ограничиться только одним исследованием рельефа головного мозга или даже только одних передних полушарий и коротенькой биографией данного лица, но изучение должно охватить все стороны человеческого организма и его биопсихическую сущность. Очевидно, это исследование должно вестись по известному плану, если только ставится основная задача, искать корреляции между строением организма

и его одаренностью. В общих чертах этот план может быть сведен к следующему.

1. Прежде всего перед исследователем стоит задача, дать полную биологическую и психическую характеристику изучаемого человека. Биологическая характеристика заключается в тех данных, которые входят в понятие «жизнеописание». Сюда должно быть отнесено все наиболее выдающееся, что имело место в жизни данного лица: те условия, в которых протекала его жизнь и деятельность, все то крупное, что было им совершено и, наконец, все те болезни, которые обычно составляют содержание полного клинического анамнеза. Сюда же должно быть отнесено изучение биологических особенностей организма, его органов чувств, его кожной чувствительности, мышечной деятельности и т. д. Едва ли могут быть оставлены без внимания вопросы наследственности и общий генетический анализ.

Что касается до психической характеристики, то она должна обнимать все стороны душевной деятельности, эмоциональной сферы, восприимчивости, раздражительности, памяти, комбинаторных возможностей, ораторских способностей, талантов и склонности к искусству, а равно и успехов в этих областях, его умственных способностях и наиболее значительных достижений в этом направлении. Очевидно, не должны быть оставлены без внимания также и некоторые психические особенности и ненормальности, которые часто бывают свойственны выдающимся людям в некоторых отношениях и одновременно с этим являющихся часто ниже ординара в других отношениях. Желательно исследовать и ваготропности и симпатикотропности. Кроме того, едва ли не заслуживает также внимания и метод составления психологических профилей, насколько это, конечно, окажется при данных условиях осуществимым. Коротко говоря, в идеале казалось бы наиболее целесообразным полное клиническое психологическое и биологическое описание жизни выдающегося человека.

2. Соматическое описание иногда является столь характерным, что сразу выделяет их по телесным признакам из ряда ординарных. Сюда может быть отнесено все, что входит в антропологическое и краниометрическое описание, далее все особенности строения черепа, лица, глаз, ушей, туловища и конечностей; форма зубов и их состояние. Особенности строения мышечной системы. Затем данные внутренней анатомии, поскольку они могут быть констатированы по внешним признакам должны быть также не забыты: грудная полость и сердце, состояние легких, голосовой аппарат, форма живота, брюшная полость и ее органы, лимфатические железы, щитовидная железа и другие железы внутренней секреции и т. д.

3. Не могут быть оставлены без внимания также и вопросы конституции. Все элементы, характеризующие человека с этой стороны должны быть отмечены по полной схеме конституционального анализа.

4. Патологоанатомическое вскрытие дает также очень ценный материал, характеризующий состояние организма, и, конечно, его должно использовать в этом смысле, если только имела место аутопсия или бальзамировка трупа. При этом анатому надлежит остановить свое внимание на анатомических особенностях всех внутренних органов вообще и в частности, симпатической и кровеносной системы. Очевидно, сердце должно быть предметом последующего более подробного изучения также как и стенки артерий, равно как желательна и микроскопическое изучение симпатических ганглиев.

5. При вскрытии должны быть подвергнуты изучению все железы внутренней секреции, как с анатомической, так и с гистологической точек зрения. Физиологическое их изучение по методу Кравкова, конечно, представляет собой уже почти окончательный предел возможных углублений подобных исследований.

6. Вскрытие черепной коробки в целях изучения мозга должно дать также известный ценный материал. Так, заслуживают внимания черепные швы и степень их зарастания или скорее незарастания, сосуды черепных костей, состояние твердой мозговой оболочки, ее отношение к костям и мягкой мозговой оболочки, ее артерии, венозные пазухи и их выпускники, отток венозной крови, наконец лимфатический аппарат. Черепные нервы и их прохождение через твердую мозговую оболочку, а равно и через костные каналы также должны быть не забыты. Все эти стадии вскрытия должны быть зафиксированы в фотографиях.

7. Что касается самого мозга то совершенно недостаточно ограничиться описанием только борозд и извилин передних полушарий, но оно должно быть проведено по большой программе, которая в общих чертах сводится к следующему. Прежде всего необходимо изучить питание мозга в целом и во всех доступных топографических частностях, затем необходимо изучать весь головной мозг и всех его частей, необходимо сделать такие разрезы, которые откроют возможности изучения желудочков и ядер мозга, сохраняя по возможности материал для последующих гистологических исследований, наконец, необходимо определять объем и вес мозга как всего в целом, так и отдельных его частей. Совершенно естественно требование, чтобы каждая стадия препаровки сохранялась по крайней мере в форме фотографических изображений, если по обстоятельствам работы невозможно изготовить гипсовые или цинковые отпечатки. Все это нужно иметь в виду при составлении схемы разрезов головного мозга для того, чтобы не оставить без ответа тех или других вопросов, которые могут возникнуть при дальнейших сравнительных исследованиях.

III. Разрезы через мозг авторов, исследовавших мозг выдающихся людей.

Прежде чем предложить свою схему разрезов через головной мозг, я хотел бы привести несколько примеров того, как резали

мозг некоторые выдающиеся исследователи, но при этом я не ставлю своей задачей указать методику всех авторов без исключения.

Д. Н. З е р н о в (37) исследовал мозг генерала Скобелева и при этом отрезал заднюю половину мозга или, точнее говоря, она у него оторвалась, (насколько можно об этом судить по оставшемуся препарату), во время извлечения мозга из черепной коробки; отрыв произошел по переднему краю моста и заднему краю четверохолмия, которое осталось при полушариях; срединного разреза через полушария З е р н о в не сделал. В своем описании он ограничился лишь рельефом коры передних полушарий и приложил к нему три рисунка с фотографией: правого и левого полушарий с латеральной стороны и одновременно обоих полушарий сверху; мозжечек и другие части были оставлены им без всякого внимания.

Р е т ц и у с при описании мозга астронома Гильденса (27) приложил, как и в дальнейших своих работах, не только фотографии, но и контурные схематические рисунки борозд, всего в числе 12 фототипий и 12 цинкографий на отдельных таблицах. Эти фотографии и рисунки следующие:

- 1) правое полушарие с мозжечком,
- 2) правое полушарие без мозжечка,
- 3) левое полушарие с мозжечком,
- 4 и 5) левое полушарие без мозжечка,
- 6 и 7) полушария сверху,
- 8) оба полушария спереди,
- 9) основание мозга с мозжечком,
- 10) оба полушария с мозжечком сзади.
- 11 и 12) медиальные поверхности того и другого полушария.

Разрезы были произведены очевидно, таким образом, что сначала был сделан сагиттальный разрез через весь мозг, а затем от каждого из них были отрезаны мозжечек с остальными частями.

В описании мозга Софии Ковалевской Р е т ц и у с (25) ограничился лишь следующими фототипиями с фотографий и цинкографиями контурных рисунков: 1) сверху, 2) спереди, 3) сзади с мозжечком, 4) правое полушарие с мозжечком с латеральной стороны, 5) тот же вид, но без мозжечка, 6) левое полушарие с мозжечком с латеральной стороны, 7) тот же вид, но без мозжечка, 8) медиальная поверхность правого полушария, 9) медиальная поверхность левого полушария.

В описание мозга гистолога Ловена Р е т ц и у с (30) дает всего восемь фотографий и столько же рисунков, а в описании мозга одного государственного деятеля (29) он привел 10 рисунков и 10 фотографий.

Наименьшее количество рисунков контуров борозд и соответствующих им фотографий у Р е т ц и у с а приведено в описании мозга физика Сильестрема (31), где мы имеем 6 следующих

рисунков и фотографий: 1) сверху, 2) спереди, 3) основание с мозжечком, 4) сзади с мозжечком, 5) правое полушарие с латеральной стороны без мозжечка, 6) левое полушарие в таком же положении. Все фототипии и цинкографии во всех работах сделаны в натуральную величину.

С п е р и н о исследовал мозг знаменитого анатома Джакомини (35) и немедленно после аутопсии разрезал мозг вместе с мягкими мозговыми оболочками следующим образом: прежде всего были отделены оба полушария поперечным разрезом, проведенным через средний мозг, снизу вдоль переднего края моста, а сверху, повидимому, судя по рисункам, через четверохолмие, так что передняя часть осталась при полушариях, затем оба полушария были разрезаны сагиттальным разрезом. К описанию приложены следующие литографии с фотографией в натуральную величину:

- 1) правое полушарие с латеральной стороны,
- 2) тоже полушарие с медиальной стороны,
- 3) левое полушарие с латеральной стороны,
- 4) тоже полушарие с медиальной стороны,
- 5) верхняя поверхность мозжечка,
- 6) нижняя поверхность мозжечка и остальных задних частей.

Ш т и д а (38) в описании мозга Заурвейна поступал, повидимому, также как и С п е р и н о, а именно он отрезал сначала задние части, и затем разрезал оба полушария; он ограничился всего шестью следующими контурными рисунками без соответствующих фотографий:

- 1) левое полушарие снаружи без мозжечка,
- 2) правое полушарие без мозжечка,
- 3) Левое полушарие с медиальной поверхности,
- 3а) *lobulus parieto-occipitalis*,
- 4) правое полушарие с медиальной поверхности без мозжечка,
- 5) оба полушария с нижней поверхности без мозжечка.

А у э р б а х (1) приводит еще меньше фотографий .при описании мозга музыканта Штокхаузена, а именно всего три, и доходит при описании мозга музыканта Коссмана до шести следующих фотографий:

- 1) правое полушарие с мозжечком с латеральной стороны,
- 2) оно же без мозжечка,
- 3) извилины Хешля левой височной доли,
- 4) те-же извилины правой височной доли,
- 5) левое полушарие с мозжечком,
- 6) правое полушарие с мозжечком.

С м и р н о в (33) к описанию мозга проф. Пашутина приложил 9 цинкографий с фотографий и 9 контурных рисунков на кальке все в уменьшенном виде:

- 1) левое полушарие с мозжечком снаружи,
- 2) правое полушарие с мозжечком снаружи,
- 3) оба полушария сверху,

- 4) оба полушария спереди,
- 5) оба полушария с мозжечком сзади,
- 6) основание мозга с задними частями,
- 7) основание мозга без мозжечка,
- 8) левое полушарие с мозжечком с медиальной стороны,
- 9) правое полушарие с мозжечком с медиальной стороны.

Таким образом разрезы были сделаны в такой последовательности: сначала сагиттальный разрез через весь мозг, а затем поперечными разрезами от каждой половины были удалены задние части. Рисунок 7-ой был сделан с приложенных друг к другу половин уже после удаления задних частей мозга.

К описанию мозга писателя Салтыкова-Щедрина С м и р н о в (32) приложил лишь один контурный рисунок и одну цинкографию с фотографии правого полушария без мозжечка с латеральной стороны.

Ограничиваясь вышеприведенными примерами, которые достаточны, чтобы показать разнообразие, я остановлюсь несколько больше на методике М а у р е р а (21), так как она, очевидно, будет служить образцом для последующих исследователей, ибо по богатству иллюстраций и по подробности описания она оставляет за собой все предыдущие работы.

М а у е р использовал методику консервировки, предложенную Ретциусом, а именно мозг был подвешен за основную артерию в 10% растворе формалина; лишь через полтора года были произведены разрезы мозга. Сначала был отделен задний мозг поперечным разрезом снизу через ножки мозга, около переднего края моста, и через четверохолмие сверху, затем был сделан сагиттальный разрез через оба полушария. После этого каждая часть была повторно взвешана несколькими лицами, чтобы получились точные цифры, затем отпрепарирована тщательно мягкая оболочка и сделаны цинковые слепки обоих полушарий. Возвращаясь к разрезам, нужно сказать, что по фотографиям и из текста трудно установить с полной отчетливостью следующие детали. Была ли извлечена гипофиза, и где она осталась, так как на фотографиях ее нет. Не видно также, куда отошла эпифиза, при каких взвешиваниях она принималась в расчет, и сделаны ли были отдельно взвешивания обоих желез. Затем нет указаний куда отошли передние бугорки четверохолмия,

С этих частей были сделаны фототипии с фотографий и контурные рисунки борозд на отдельных таблицах и цинкографии отдельных подробностей в тексте. Таблицы содержат в натуральную величину следующие рисунки и фотографии.

- 1) левое полушарие сверху,
- 2) правое полушарие сверху,
- 3) мозжечок и задние части мозга сверху,
- 4) левое полушарие сбоку,
- 5) правое полушарие сбоку,

6 и 7) те же полушария, но снятые несколько косо, так что верхний край плаща несколько повернут кнаружи,

8) левое полушарие с медиальной стороны,
9) правое полушарие с медиальной стороны,
10 и 11) те же полушария, но поставленные несколько косо,
так что верхние края наклонены наружу,

12) правое полушарие снизу,

13) левое полушарие снизу,

14) мозжечек снизу,

15) мозжечек сбоку,

16) правое полушарие спереди,

17) левое полушарие спереди,

18) правое полушарие без мозжечка сзади,

19) левое полушарие без мозжечка сзади.

Кроме того, в тексте приведено еще 26 цинкографий отдельных частей мозга главным образом самого Геккеля, а отчасти и других выдающихся людей, для сравнения соответствующих подробностей.

Из всего вышеприведенного следует, что разные авторы и в отношении разрезов и в смысле изготовления фотографий и рисунков поступали весьма различно.

Что касается разрезов, то некоторые авторы сначала снимали мягкие мозговые оболочки, затем фотографировали и наконец делали разрезы; другие сначала делали разрезы, а затем снимали оболочки и наконец фотографировали. При этом одни авторы сначала делали общий сагиттальный разрез, а затем уже после фотографирования отрезали задние части мозга, другие же сначала отрезали задние части мозга, а затем уже сагиттальным разрезом отделяли полушария друг от друга. Отделение задних частей производилось всеми авторами через средний мозг без особенно точных указаний, как именно проходил этот разрез через пластинку четверохолмия.

По поводу всех этих разрезов я должен высказаться отрицательно, несмотря на большой авторитет исследователей, по нескольким причинам.

Прежде всего, эти разрезы не считаются с необходимостью исследовать также и кровеносные сосуды мозга, они не дают возможности отпрепарировать все артерии без их разрыва, не позволяют точно установить топографическое их распределение по всем частям мозга и не дают возможности снять фотографии этого распределения с медиальной и нижней поверхности но об этом я скажу еще несколько слов ниже. Затем эти разрезы не дают полной уверенности, что они у всех произведены точно определенным образом. Это особенно касается границы передних полушарий, точнее промежуточного, от задних частей мозга. Так сравнивая рисунки разных авторов, мы видим, что поперечные разрезы проходили у всех снизу через ножку мозга параллельно заднему краю моста, непосредственно около самого моста; сверху же разрез проходил у всех по разному, так что передние бугорки четверохолмия отходили то к передним полушариям, то к задним частям. Во всяком случае, часть среднего

мозга, а именно передняя половина ножек мозга, а может быть иногда и все ножки мозга нацело отходили к передним полушариям. Что же касается пластинки четверохолмия, то чаще всего повидимому она разделялась между передними полушариями и задними частями мозга и притом у разных авторов в разных отношениях. Далее нет точных указаний на то, куда относилась разными авторами шишковидная железа; впрочем нужно сказать, что она как и гипофиза, вообще мало останавливала на себе внимание исследователей мозга выдающихся людей. Кроме того, нужно прибавить, что и задняя граница головного мозга от спинного принималась разными авторами совершенно произвольно в зависимости, очевидно, от того, как далеко проходил секционный нож в позвоночный канал. Таким образом разными авторами получались разные цифры веса отдельных частей мозга, очевидно, и по той причине, между прочим, что в разных случаях разные части относились к передним полушариям, куда входили всегда промежуточный мозг и то или другое количество среднего мозга. Но особенно больших возражений заслуживают эти разрезы в смысле исследования задней половины мозга, которой вообще авторы оказывают небольшое внимание; так некоторые совсем ничего о них не говорят другие описывают лишь один вид мозжечка; некоторые приводят несколько рисунков другие ни одного; что касается разрезов, то только немногие разрезают мозжечок и задние части мозга продольным сагитальным разрезом; другие ограничиваются лишь тем что проводят поперечный разрез для отделения передних полушарий от задних частей мозга. Таким образом прежде всего пропадает весь ствол мозга, да и сам мозжечок поддается изучению не со всех своих сторон, средний мозг доступен изучению. описанию и изображению еще в меньшей степени, тем более, что он при разрезах приходится на все части, совсем не исследуется весь четвертый желудочек и в том числе его ромбовидная ямка. Что касается взвешивания задних частей мозга, которое производили некоторые авторы, то оно также ничего не говорит, так как совершенно неизвестно, что именно дает большие или меньшие цифры: то ли, как проводится разрез между продолговатым и спинным мозгом, отдельные ли определенные части заднего мозга или наконец все они вместе взятые; на все эти вопросы полученные цифры никакого ответа дать не могут и, по Мауреру, так ставить вопросы природе, это значит не получать правильного ответа от нее.

Все эти соображения мне представляются достаточными, чтобы выдвинуть вопрос о разработке методики разрезов через мозг человека вообще и человека высокой психической одаренности в частности.

Методика эта должна удовлетворять по моему мнению следующим задачам:

1. Извлечение головного мозга из черепной коробки необходимо производить таким образом, чтобы ничего существенного

не могло ускользнуть от внимания исследователя: твердая мозговая оболочка и ее состояние, ее сосуды, гипофиза, состояние костей черепной коробки и их сосуды—все это должно быть исследовано.

2. Форма мозга не должна изменяться при дальнейшей фиксации и это относится также и к сосудам; а потому подвешивание мозга за основную артерию по способу Ретциуса не должно практиковаться: сосуды при этом страдают иногда до того, что разрываются, как это имело место в случае сильно склерозированных сосудов профессора А. Н. Бернштейна.

3. При дальнейших разрезах не должно пропасть абсолютно ничего и все должно быть сохранено для возможных последствий дополнительных исследований.

4. Разрезы должны быть так проведены, чтобы в результате полученных препаратов строго соответствовали определенным морфологическим единицам.

5. Эти разрезы должны дать возможность описать их с достаточными топографическими подробностями, равно как и все сосуды мозга должны быть доступны исследованию в их топографических соотношениях, чтобы с них можно было снять фотографии и получить в конце концов цельный препарат всей системы артерий головного мозга.

6. С полученных таким образом препаратов должны быть сняты фотографии со всех сторон и по возможности в натуральную величину; кроме того желательны схематические контурные рисунки с показанием борозд также по возможности в натуральную величину; наконец, желательно изготовление гипсовых или цинковых отпечатков всех отдельных частей.

IV. Схема препаровки и разрезов головного мозга,

Как указывалось выше, разрезам мозга должна предшествовать работа по всестороннему изучению тела и головы, их измерения, а также изготовление маски. Вскрытие черепной коробки и препаровка головного мозга должно соответствовать вышеприведенным требованиям, самая же последовательность работы должна быть следующая:

1. После разреза мягких частей головы поперечным разрезом во фронтальной плоскости от уха и до уха и отведения лоскутов вперед на лоб и назад на затылок, изучается состояние черепных швов и снимается фотография черепной крыши (1-я фот).

2. Горизонтальным распилом, проводимым на один поперечный палец выше надбровных дуг и отсюда назад до наружного затылочного бугорка, снимается крыша черепа и изучаются сосуды черепных костей, состояние твердой мозговой оболочки и ее сосудов, затем снимается фотография мозга с твердой оболочкой и рядом с ней внутренняя поверхность крыши черепа (2-ая фот).

3. Твердая мозговая оболочка разрезается вдоль верхней сагиттальной пазухи двумя параллельными разрезами, направ-

ленными сагиттально по бокам от пазухи на расстоянии одного сантиметра друг от друга, затем разрезается поперечным разрезом верхний сагиттальный отросток по середине длины и оба его лоскута вынимаются из щели между полушариями; осторожно отрезается мозжечковый намет от верхней каменистой пазухи и наконец разрезается поперечными разрезами во фронтальной плоскости диафрагма турецкого седла для того, чтобы высвободить гипофизу. Затем вынимается головной мозг и отрезается насколько возможно ниже от спинного мозга. Фотография должна дать основание мозга со всеми перерезанными нервами (3-я фот.).

4. Мозг взвешивается вместе с мягкими оболочками и определяется его объем.

5. Мозг уплотняется в 10% растворе формалина в течение нескольких недель. причем для того, чтобы он не доформировался пользуются большим количеством ваты на которую его кладут, и время от времени его перекладывают. После достаточного уплотнения мозг фотографируется во всех шести нормах с мягкими мозговыми оболочками и следовательно со всеми сосудами (4, 5, 6, 7, 8 и 9-я фот.).

6. Уплотненный мозг вновь взвешивается и определяется его объем.

7. Препаровку сосудов лучше всего начинать с самых задних, т. е. с передних и задних спинальных артерий, затем переходят к сосудам мозжечка, препаруя только одно (правое) полушарие. Препаровка сопровождается все время подробными записями и отметками на фотографиях их расположения. Для того, чтобы впоследствии знать, с каким сосудом имеем дело, практичнее всего во время препаровки перевязывать каждый крупный сосуд ниточкой определенного цвета, под которым он и заносится в соответствующую запись. Как здесь, так и в дальнейшем, от крупных кровеносных сосудов отрезаются небольшие кусочки для последующего их микроскопического изучения.

8. Закончив препаровку сосудов правого полушария мозжечка, должно его отрезать сагиттальным разрезом через червячек и отдельными разрезами через все его ножки, при этом через среднюю ножку разрез проходит по линии, соединяющей тройничный и лицевой нервы.

9. После этого продолжается препаровка артерий моста среднего и промежуточного мозга правой половины и правого полушария, насколько это доступно, но во всяком случае не разрывая сосудов. Таким образом можно отпрепарировать все сосуды Виллизиева многоугольника, а также заднюю и среднюю артерии мозга правого полушария.

10. Осторожно отрезается правое полушарие сагиттальным разрезом вдоль мозолистого тела сзади наперед через серую переднюю пластинку, перекрест глазничных нервов воронку и, заднее продырявленное пространство; гипофиза остается на одном из полушарий. Затем разрез проводится через правую

ножку мозга перпендикулярно к ее продольной оси, отступая от переднего края моста вперед настолько чтобы все четверохолмие осталось при задней половине мозга, а эпифизу лучше оставить также при задней половине мозга, чтобы не разрезать его между двумя полушариями. Необходимо быть весьма осторожным с сосудами мозга—ветви передней мозговой артерии—и одновременно с разрезами осторожно отпрепаровывать сосуды шишковидной железы и гипофизы; должны быть перерезаны периферические и центральные отрезки сосудов этих желез лучше всего еще до разреза определенного цвета нитками как те так и другие: таким образом сохраняется возможность установить откуда и куда идет каждый сосуд.

11. Затем переходят к левой половине мозга и отпрепаровывают сосуды левого полушария мозжечка, сохраняя все время целостность всей системы артерий.

12. Левое полушарие мозжечка отделяется от стволовой части перерезкой всех трех его ножек.

13. Заканчивается препаровка сосудов левой половины среднего и промежуточного мозга и левого полушария. Таким образом получается целый препарат всех артерий мозга, который далее обрабатывают как показано ниже.

14. Затем от препарата отделяется левое полушарие разрезом через ножку мозга перпендикулярно к ее продольной оси.

15. Правое полушарие мозжечка освобождается от остатков мягкой мозговой оболочки взвешивается определяется его объем изучаются все подробности его строения и снимаются фотографии верхней, нижней и медиальной поверхностей (10, 11, 12 фотографии). Изготавливается гипсовый или цинковый оттиск.

16. Левое полушарие мозжечка обрабатывается таким же самым образом и снимаются фотография (13, 14, 15). Изготавливаются гипсовые или цинковые снимки.

17. Делается разрез по большой горизонтальной борозде правого полушария мозжечка, описывается строение зубчатого ядра и снимается фотография (16 фот.).

18. Также поступают и с левым полушарием (17 фот.).

19. Правое полушарие большого мозга освобождается от остатков мягкой мозговой оболочки, взвешивается, определяется его объем, изучаются все подробности его строения и снимаются фотографии с латеральной медиальной и базальной поверхностей (18, 19, 20 фот.). Изготавливаются гипсовые или цинковые оттиски.

20. Также поступают с левым полушарием большого мозга и снимают три фотографии (21, 22, 23 фот.). Изготавливаются гипсовые или цинковые оттиски.

21. Снимаются фотографии сразу с обоих полушарий спереди и сзади (24 и 25 фот.).

22. Взвешивается и определяется объем остаршейся части ствола мозга, изучаются все подробности его строения, изго-

товляются гипсовый или цинковый оттиск и снимаются фотографии с дорзальной и базальной стороны (26 и 27 фот.).

23. При большом увеличении снимаются фотографии шишковидной железы и гипофизы (28 фот.).

24. Изучаются далее на срезах строение полушарий и стволовой части по методике, которой я касаться здесь не буду.

V. Методика изготовления постоянного препарата артерий.

В двух словах эта методика сводится к следующему. Все отпрепарированные сосуды помещаются в какую-либо гистологическую краску, в которой держатся время, необходимое для прокраски до желательного цвета; окрашивание необходимо, так как без такового очень затруднительна препаровка мелких артерий от остатков мягкой мозговой оболочки, а равно затруднительно и последующее фотографирование почти бесцветных мелких сосудов. Затем вся масса сосудов, тщательно отмытая от краски, переносится в большую ванну с водой. На дне ее предварительно помещается фанера или картон размерами в 40—60 сан., с прикрепленным на ней кнопками листом белой бумаги, с нанесенными на ней взаимно перпендикулярными линиями; фанера удерживается под водой небольшими грузами. Под водою артерии расправляются препаратальными иголками, освобождаются от остатков мягкой мозговой оболочки и удерживаются в приданном им расположении при помощи энтомологических булавок, но без прокола сосудов. Затем все это вынимается из воды, булавки снимаются, кнопки откальваются, препарат накрывается чистым стеклом соответствующих размеров. Переворачивается на стекло и с него снимается фанера; далее осторожно приподнимается белая бумага, а артерии остаются на стекле. Здесь они вновь расправляются, им придается желательное расположение, затем воде дают стечь, все заливается глицерином и препарат накрывается другим стеклом. В дальнейшем глицерин сменяется два три раза и при этом каждый раз препарат подвергается уже более тщательному расправлению, пока не будет придана ему достаточная тонкость вплоть до мельчайших сосудов. Это очень кропотливая и долгая работа. Затем глицерин удаляется с препарата при посредстве фильтровальной бумаги, которую можно накладывать без особой боязни. С изготовленного таким образом препарата можно снять фотографию или контактным способом, или при помощи фотографической камеры. При первом способе приходится дополнительно обводить сосуды тушью, так как мелкие выходят недостаточно отчетливые. С полученного таким образом позитива затем контактным способом изготавливается вновь окончательный негатив. При втором способе можно достигнуть очень тонкого фотографирования, но для получения снимка в натуральную величину необходима большая камера и больших размеров пла-

стинки, так как на бумаге фотографирование представляет много неудобств.

Чтобы показать, какие могут быть получены препараты и какое громадное различие представляют собою сосуды артерий в разных случаях я прилагаю фотографии с изготовленных мною препаратов артерий головного мозга известного математика, профессора 1-го Московского Университета Павла Алексеевича Некрасова и неизвестного человека из секционного материала Анатомического Театра нашего Университета. (См. прилагаемые рисунки).

Литература по мозгу выдающихся людей.

1. Auerbach Siegmund. Zur Lokalisation des musikalischen Talentes im Gehirn und Schädel:
Erster Beitrag: Das Gehirn Konings und Haas von Bulows. Arch. f. Anat. u. Entw., Anat. Abth. 1906.
Zweiter Beitrag: Das Gehirn Julius Stockhausens. Ibid. 1908.
Dritter Beitrag: Das Gehirn Bernhard Cossmanns. Ibid. 1911.
2. Bastian. Brain as an Organ of Mind. 1880. (Мозг математика De Morgan).
3. Bechterew und Weinberg. Das Gehirn des Chemikers D. I. Mendelejew. In Roux Anatomische und Entwicklungsgeschichtliche Monographien. Leipzig. 1909.
4. Бунакх В. В. Описание мозга Д. Н. Анучина в связи с современными задачами церебрологии.—Доклад на 2-м Всер. Съезде Зоол., Anat. и Гист. в Москве. 1925 г.
5. Chudzinsky et Manouvrier. Etude sur le cerveau de Bertillon. Bull. Soc. d'Anthr. de Paris. 1887.
6. Chudzinsky et Duwal. Description morphologique du cerveau de Gambetta. Ibid. 1886. V. IX.
7. Duwal, Chudzinsky et Herve. Description morphologique du cerveau d'Assezal. Ibid. 1883. Vcl. VI.
8. Duwal. Description morphologique du cerveau de Condreau. Ibid. 1883. Vol. VI.
9. Duwal. Rapport sur le cerveau de Louis Asseline. Ibid. 1883. Vol. VI.
10. Fürst Carl. Professorn i Pysiologi vid Lunds Universitets Magnus Blix'Hjärna, Lunds Universitets Arsskrift N. F. Avd. 2, Bd. 14, Nv 3.—Kurgl. Fysiografiska Sollskapets Handlinger, N. F. P. d. 29. Nr. 3, Lund 1918.
11. Гиндце Б. К. Артерии головного мозга армянского поэта Ованеса Туманьяна. Русск. Антр. Ж. т. 13, в. 3 и 4. 1924.
12. Гиндце Б. К. К вопросу об изучении артерий головного мозга выдающихся людей. Юбил. Сборник проф. Г. И. Россолимо. Москва. Госиздат. 1925.
13. Гиндце Б. К. Артерии головного мозга профессоров Н. А. Бернштейна, Д. Н. Анучина и П. А. Некрасова. Доклад на 2-м Всер. Съезде Зоол., Anat. и Гист. в Москве. 1925.
14. Гиндце Б. К. Артерии головного мозга поэтов О. Туманьяна и В. Брюсова. Доклад там же.
15. Guçzmann L. Beitrag zur Morphologie der Gehirnoberfläche. Anat. Anz. XIX 1910 (Мозг Lenz'a).

16. H a n s e m a n n D. Ueber das Gehirn von Hermann v. Helmholtz. Zeitschr. f. Psych. u. Phys. d. Sinnesorgane 1899. I.
17. H a n s e m a n n D. Ueber die Gehirne von Ih. Mommsen, R. W. Bunsen und Ad. v. Menzel. Stuttgart. Schweizerbartsche Verlagsbuchhandlung (E. Nagel) 1907.
18. Капустин А. А. Об архитектуре мозга ученых. Юб. Сб. профессора Г. И. Россолимо. Москва. Госиздат. 1925 г.
19. Капустин А. А. О мозгах ученых в связи с проблемой взаимоотношений между величиной мозга и одаренностью. Доклад на 2-м Всер. Съезде Зоол., Анат. и Гист. в Москве. 1925 г. (мозг профессоров С. Корсакова, П. Бахметьева и А. Кожезникова).
20. K l o s e R. Das Gehirn eines Wunderkindes (des Pianisten Goswin Sokeland). Ein Beitrag zur Localisation des musikalischen Talentes im Gehirn. Monat. f. Psych. u. Neurol. Bd. 48. Sep. Berlin Karger. 44 s. 8°. 6 m.
21. M a n o u w r i e r. Etude sur le cerveau d'Eugene Weron et sur la formation frontolimbique. Bull. Soc. d'Anthr. de Paris. 1892. Vol. XIII.
22. M a r s h a l l. On the Brain of the late George Grote. Journ. of Anat. and Phys. 1892—93. V. VII (XXVII) N. S.
23. M a u r e r F r. Das Gehirn Ernst Haeckels. Jena G. Fischer. 1924.
24. Нелидов Н. П. Анатомические особенности строения коры головного мозга выдающихся людей в связи с описанием мозга профессора Н. А. Вельяминова. Тр. 1-го Всер. Съезда Зоол., Анат. и Гист. Ленинград. 1922 г.
25. P a r i l l a u l t. Mem. Soc. d'Antrop. de Paris 1903.—Описание мозга проф. Лаборд.
26. Rewue d'Anthropologie 1884. Le cerveau de Turgeneff.
27. R e t z u i s G. Das Gehirn des Astronomen Hugo Gyldens. Biol. Unt. VIII 1897.
28. R e t z u i s G. Das Gehirn des Mathematikers Sofia Kovalewski. Ibid. IX 1900.
29. R e t z u i s G. Das Gehirn eines Staatsmanns. Ib. XI 1904.
30. R e t z u i s G. Das Gehirn des Histologen und Physiologen Christian Loven's. Ib. XII. 1905.
31. R e t z u i s G. Das Gehirn des Physikers und Paedagogen Pars Adam Siljeström. Ib. X. 1902.
32. R ü d i n g e r. Das Hirn Gambettas. Sitzungb. d. mathem. nat. Kl. d. K. A. München. Bd. 17. 1887.
33. S m i r n o w B o r i s. Le cerveau du prof. Zinine. Compt. rend. Soc. Biol. T. 76. N 14.
34. S m i r n o w B o r i s. Описание мозгов В. В. Пашутина и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Изв. В. М. Ак. т. XXXI. 1915.
35. S p e r i n o G. Descrizione morfologica dell'encephalo del prof. Carlo Giacomini. Int. Monat. XVIII. 1901.
36. S p i t z k a E. A. A study of the Brain of the late major I. W. Powell. Amer. Anthropol. (N. 5.) V. 5. N. 4. 1903.
37. Зернов Д. Н. К вопросу об анатомических особенностях мозга интеллигентных людей. Тр. II, Съезда Русских врачей, 1887 г.
38. S t i e d a L. Das Gehirn eines Sprachkundigen. Zeitschr. f. Morph. u. Anthr. Bd. XI 1908.
39. W a g n e r R. Ueber die typischen Verschiedenheiten der Windungen der Hemisphaeren und ueber die Lehre vom Gehirngewicht, mit besonderer Rücksicht auf die Hirnbildung intelligenter Männer. Göttingen 1860.

по плану
сетовка
Пандур
до 1911 г.

ИЗВЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

РИС. 1. АРТЕРИИ ГОЛОВНОГО МОЗГА МАТЕМАТИКА ПРОФ. П. А. НЕКРАСОВА.

Снимок сосудов мозга
неизвестного человека
Снятом Ф. Я. Пиндус
Декабрь 1927 года.

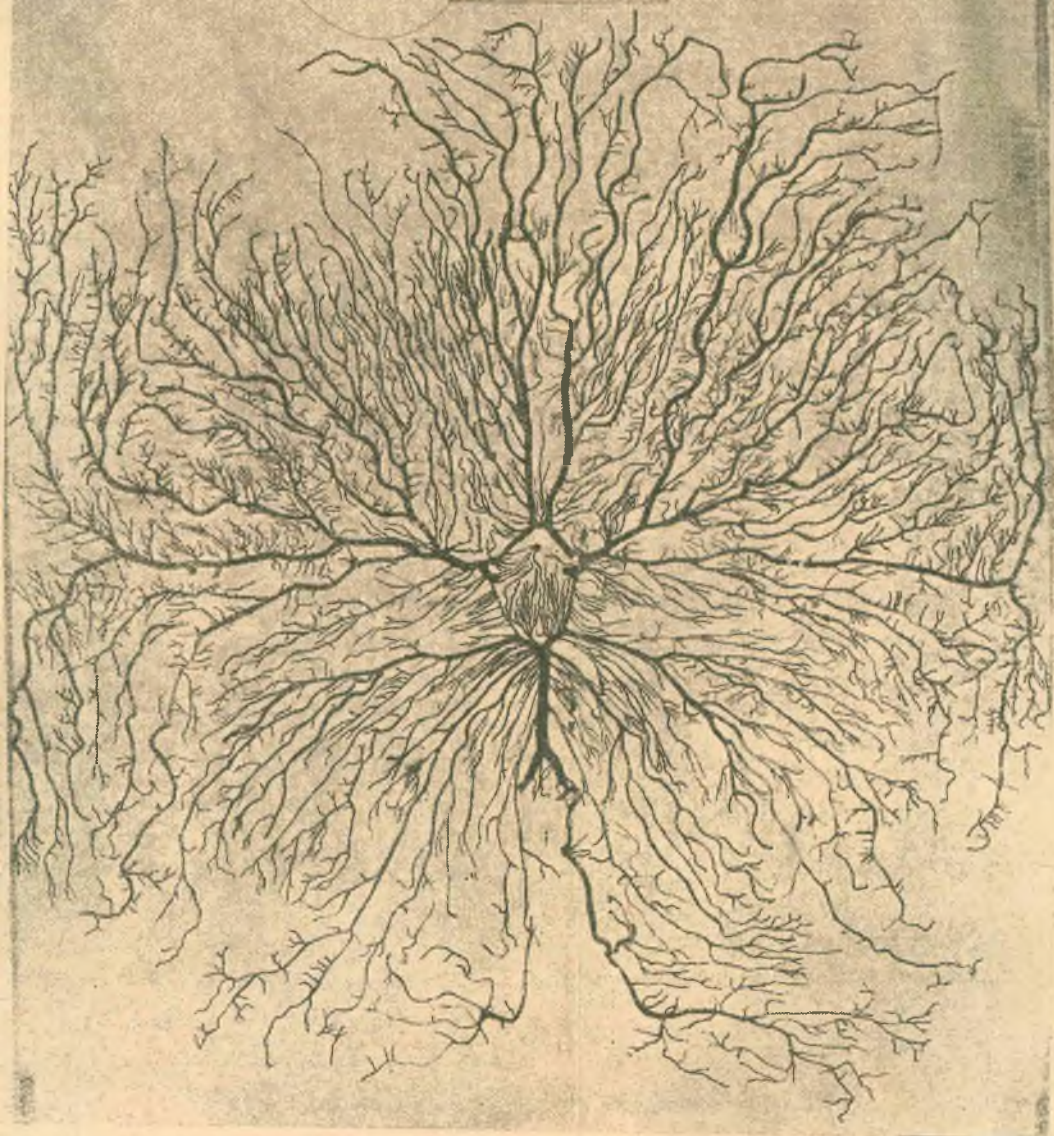
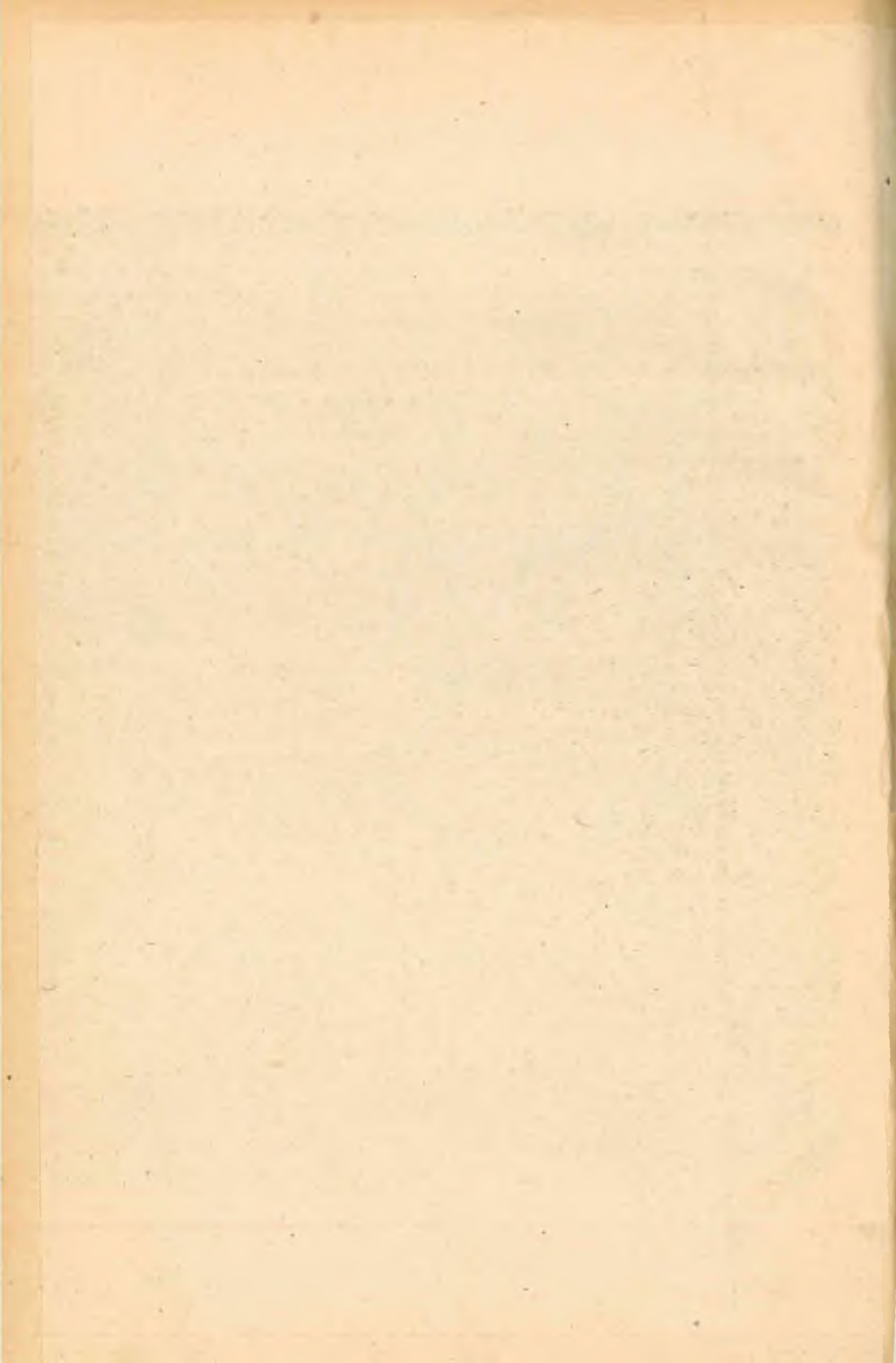

РИС. 2. АРТЕРИИ ГОЛОВНОГО МОЗГА НЕИЗВЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Генеалогия Максима Горького

а также общая характеристика личности Горького в связи с его наследственностью и с переживанием детства.

Д-ра И. Б. Галант (Москва)

I. Наследственность М. Горького.

(с генеалогической таблицей).

Долго спустя, я понял, что русские люди, по нищете и скудости своей, вообще любят забавляться горем, играют им, как дети, и редко стыдятся быть несчастными.

В бесконечных буднях и горе—праздник, и пожар—забава, на пустом лице и царапина—украшение.

М. Горький. Детство. Глава X.

Поставив во главе этого очерка генеалогии Максима Горького эпиграфом те его слова, которые характеризуют сущность жизни «русских людей», я хотел сразу же ввести читателя в атмосферу той среды, в которой жил и воспитывался юный Алексей Максимович Пешков (Максим Горький), давая в то же время общую, глобальную характеристику тех людей, кровь которых течет в жилах гениального писателя земли русской. Люди эти до того невыразимо странно и страшно устраивали свою жизнь, что Горький, описывая эту жизнь говорит: «Она вспоминается мне как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что все было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть,—слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени».

Жестокость жизни того milieu, в котором рос юноша Пешков поражающая необычным своим обилием ум Горького даже в годы его зрелости, когда он успел всесторонне ознакомиться с жизнью и людьми и убедиться что в общем римская поговорка: homo homini lupus est есть вполне оправдывающая себя мудрость, не поразит нас, если мы узнаем, что жестокость, была основная черта большинства индивидов тех двух семей—Кашириных (со стороны матери) и Пешковых (со стороны отца),—ко-

торым Горький обязан своей жизнью и не малой долей тех психических особенностей, которые составляют духовный его облик, или—выражаясь современным языком—его психоконституцию.

Особенной жестокостью отличался дедушка Горького со стороны отца—Савватей Пешков. Савватей Пешков был очевидно несколько одаренный человек, ибо он, будучи простым солдатом, дослужился до чина офицера, но в качестве такого он оказался до того жестоким в обращении со срскими подчиненными, что был сослан в Сибирь! Служил Савватей Пешков в армии при Николае I, когда вообще в армии существовала железная дисциплина, и избивание солдат считалось чем то самым обыкновенным. Трудно себе поэтому представить, что представляла собой жестокость С. Пешкова, послужившая причиной столь строгого наказания, как ссылка в Сибирь. Сегалин *) думает, что дедушка Пешков был «чудовищем».

Ссылка в Сибирь не могла, конечно, исправить от природы, видно, жестокого дедушку Пешкова, и он продолжал в Сибири вымещать свою жестокость на своем сыне Максиме, который поэтому стал бегать из дома. Дедушка Пешков искал своего сына с собаками по лесу, как зайца, и, поймав его однажды, до того бил, что соседи сняли у него ребенка и спрятали.

Относительно бабушки Пешковой ничего неизвестно, если не то обстоятельство, что она умерла в раннем детстве своего сына Максима Пешкова. Может быть жестокий муж ее скоро замучил. Дедушка Пешков умер, когда его сыну исполнилось 9 лет, и Максим Савватеевич Пешков (отец Горького) остался на десятом году жизни круглой сиротой.

Максим Савватеевич не отличался такой жестокостью, как его отец, но и у него встречаются выраженные психопатические черты, позволяющие отзываться о нем как о психопате. После смерти отца Максима взял к себе крестный столяр, приписал его в цеховые города Перми и стал его учить столярному ремеслу. Однако, Максим Пешков не оставался долго у своего крестного, сбежал без видимой причины и долгое время бродяжничал, водил слепых по ярмаркам. Наконец, надоело Максиму заниматься бродяжничеством, черта, которая довольно вкоренилась в его характере, чтобы передать ее потом в наследство своему сыну Алексею (Горькому), и шестнадцати лет Максим Пешков начал вести оседлую жизнь, оставшись жить в Нижнем, где он первое время работал у подрядчика-столяра, на пароходах Колчина. В двадцать лет он был уже хорошим краснодеревцем, обейщиком и драпировщиком.

*) Сегалин Г. В. Патогенез и биогеиз великих и замечательных людей. Клинический Архив Гениальности и Одаренности т. I, вып. 1. Стр. 45. «...Если вспомнить то время, когда Николаевский режим отличался вообще суровостью в военных сферах, то каков должен был быть этот поручик—дед Горького, если даже Николай лишил его чина за жестокость. Надо представить себе, что поручик Пешков был просто чудовищем».

Живя в Нижнем рядом с семьей Кашириных, Максим влюбился в дочь Василия Васильевича Каширина, Варвару Васильевну и так как Варвара Васильевна отвечала взаимностью, то начал расти плод этой любви, в виду чего Акулина Ивановна Каширина, мать Варвары, согласилась тайно от мужа помочь влюбленным повенчаться. Василий Васильевич к этому времени был большой богач, имея четыре дома и деньги, был в большой чести, так как сидел девять лет бесменно старшиной в цехе и дали ему незадолго до этого шляпу с позументом да мундир. Василий Васильевич очень гордился и мечтал выдать свою дочь за дворянина и ни за что не согласился бы на брак своей дочери со столярным подмастерьем. Узнав о тайном браке Варвары, Василий Васильевич отрёкся от своей дочери, лишил ее наследства и несколько месяцев ничего не хотел знать о своей дочери которая вышла замуж «самокруткой». Потом родительские чувства взяли верх, и Василий Васильевич примирился с новобрачными, пригласив их даже жить в его доме. Вскоре после этого родился у Варвары и Максима Пешковых сын Алексей (впоследствии Максим Горький).

Все было-бы хорошо, но вдруг Максиму Пешкову стала по дороге та черта характера, которая его отца довела до Сибири. У Максима Пешкова не было отцовской жестокости, однако, он получил ее от отца в наследство в виде утонченного садизма, который находил свое выражение в наслаждении страхом, нарочно вызываемом им в людях для удовлетворения садистической своей страсти! Пользуясь суеверием людей и другими их слабостями, он выдумывал различные способы вызывать в людях страх, и, видя людей в смертельном страхе. Максим ощущал большую радость, доходящую до сладострастия. Вот что рассказывает Акулина Ивановна о садистических похождениях Максима Пешкова *).

«Как то о великом посте заиграл ветер и вдруг по всему дому запело, загудело страшно—все обомлели, что за навождение? Дедушка совсем струхнул, велел везде лампадки зажечь, бегают, кричат: молебен надо отслужить! И вдруг все прекратилось; еще хуже испугались все. Дядя Яков догадался,—это, говорит, наверное Максимом сделано! После он сам сказал, что наставил в слуховом окне бутылок разных да склянок,—ветер в горлышки дует, а они и гудут, всякая по своему. Дед погрозил ему: как бы эти шутки опять в Сибирь тебя не воротили, Максим!

Один год сильно морозен был, и стали в город заходить волки с поля, то собаку зарежут, то лошадь испугают, пьяного караульщика заели, много суматохи было от них! А отец твой возьмет ружье, лыжи наденет да ночью в поле, глядишь—вслка

*) Горький Максим. Детство, стр. 153. Т. X. Собрания сочинений. Госиздат. Ленинград 1924.

притащит, а то двух. Шкуры снимет, головы выщелушит, вставит стеклянные глаза—хорошо выходило! Вот и пошел дядя Михайло в сени за нужным делом, вдруг—бежит назад, волосы дыбом, глаза выкатились, горло перехвачено—ничего не может сказать. Штаны у него свалились, запутался он в них, упал, шепчет—волк! Все схватили, кто что успел, бросились в сени с огнем,—глядят, а из рундука и впрямь волк голову высунул! Его бить, его стрелять, а он—хоть бы что! Пригляделись—одна шкура, да пустая голова, а передние ноги гвоздями прибиты к рундуку! Дед тогда сильно—горячо рассердился на Максима. А тут еще Яков стал шутки эти перенимать. Максим то склеит из картона будто голову, нос, глаза, рот сделает, пакли наклеит заместо волос, а потом идут с Яковым по улице и рожи эти страшные в окна суют—люди, конечно, боятся, кричат, а по ночам в простынях пойдут, попа напугали, он бросился на будку, а будочник тоже испугавшись, давай караул кричать. Много они эдак то куролесили и никак не унять их; уж я говорила—бросьте, и Варя тоже,—нет, не унимаются! Смеется Максим те: больно уж, говорит, забавно глядеть, как люди от пустяка в страхе бегут, сломя голову!»

До Сибири, как страшил дедушка К а ш и р и н Максима, дело не дошло, до Астрахани же оно доплыло. Обидчивый и злопамятный Михайло не мог простить Максиму историю с волком и, сговорившись с Яковом, решил известить Максима. Дядя Михайло и Яков и без того чувствовали неприязнь к Максиму, так как он в противоположность им вина совершенно не пил к тому же говорил им всякого рода дерзости. Напившись до пьяна, Михайло и Яков заманили Максима на Дюков пруд и столкнули его в прорубь, чтобы утопить его. Как только Максим вынырнет и схватится руками за край проруби, они давай его бить по рукам. Удалось все же Максиму удержать голову на поверхности воды, и когда Яков и Михайло утомившись топить его пошли шататься по кабакам в надежде, что их жертва сама утонет, Максим выбрался из проруби и побежал в полицию, где его оттирали винсом, переодели в сухое и привезли домой. Михаил и Якова Максим полиции не выдал, выдумав про себя какую-то бль.

После этого случая Максим долго и тяжело болел, и когда он, наконец, выздоровел, не хотел больше жить с Каширинными и отправился с женой и ребенком в Астрахань. Здесь он через несколько лет умер.

Вот все, что мы знаем относительно предков Г о р ь к о г о по линии отца. Физически это были люди совершенно здоровые, крепкие, хорошо сложенные. Можно было бы, пожалуй, говорить об атлетическом их телосложении. Что касается их психики, то при наличии некоторой одаренности люди эти в общей сложности никак иначе не могут быть определены, если не как пси-

хопаты. Дедушка был тяжелый садист, отец страдал одно время пориоманией (бродяжничество) и садизмом, сводившимся, главным образом, к наслаждению искусственно вызванным страхом людей. Хотя в общем веселого приветливого характера, Максим Пешков мог сделаться неприятным, неугомным и патологически упрямым и своенравным: «Хороши у него глаза были: веселые, чистые, а брови—темные, бывало сведет он их, глаза то прячутся, лицо станет каменное, упрямое, и уж никого он не слушает»...

Перейдем теперь к изучению предков Горького по линии матери.

О прадедушке Василии Каширине мы знаем очень мало. Известно только, что, когда «однажды приехали в Балахну разбойники, грабить купца Зуева, дедов отец бросился на колокольню бить набат, а разбойники настигли его, порубили саблями и сбросили вниз из—под колоколов».

Судя по этому рассказу, прадедушка Василий был энергичным, бесстрашным, преданным своему делу и долгу человеком и умер он, как герой.

Что касается прабабушки, жены Василия Каширина, то она была очень сильная и в общем добрая, жалостливая женщина: «Бывало матери-то кричат: мадама, мадама,—это, стало быть, моя дама, барыня моя, а барыня-то из лабаза на себе мешок муки носила по пяти пудов весу. Силища у нее была не женская. до двадцати годов меня за волосья трясла очень легко, а в двадцать то годов я сам не плох был». Пленным французам, при всей своей враждебности к ним, она дарила калачи.

Дедушку Василия Васильевича Каширина Горький рисует как небольшого, сухонького старичка в черном длинном одеянии с рыжей как золото бородкой с птичьим носом и зелеными глазками. Очень часто мы находим у Горького сравнение лица дедушки с «лицом хорька».

Если верить тем авторам, которые утверждают, что Erythriismus (рыжеволосость), есть дегенеративная черта, то дедушка уже по одной наружности не внушает полного доверия к своей личности... Однако, Горький уверяет, что дедушка был не злой и не страшный, хотя он его однажды чуть на смерть не засек, за то что он, Олеша (так звал дедушка своего внука Алексея Пешкова) вздумал подражать взрослому и окрасить белую дорожную скатерть в кубовый цвет, а потом, когда дошла очередь сечь его, он сопротивлялся, рвал дедушке его рыжую бороду и кусал его.

Дедушка Каширин был очень вспыльчивый и из за пустяков бил не только своих внучат, но и жену, милейшую бабушку Акулину Ивановну, бил до крови, иногда целыми днями, *) так

*) «Меня дедушка однова, рассказывает Акулина Ивановна, бил на первый день пасхи от обеда до вечера. Побьет—устанет, а отдохнув—опять. И вожжами, и всяко».

что Алексей раз обещался отстричь дедушке бороду, если он не перестанет бить бабушку...

Хотя Василий Васильевич был ловок в своем деле, нажил себе капиталец и пользовался в городе почетом, однако, он был слабохарактерный отец, не умерший внушить своим детям уважение к себе, и не пользовался он у своих детей никаким авторитетом. Он был даже до некоторой степени бестолковым стариком, растратившим, впоследствии, в короткое время все свое состояние, а в глубокой старости он лишился ума, заболев, очевидно, старческим слабоумием (*dementia senilis*). Горький рассказывает об этом, говоря, что «он (старик Каширин) окончательно заболел скупостью и потерял стыд: стал ходить по старым знакомым, бывшим сослуживцам своим в ремесленной управе, по богатым купцам и, жалуясь, что разорен детьми, выпрашивал у них денег на бедность. Он пользовался уважением, ему давали обильно, крупными билетами; размхивая билетом под носом бабушки, дед хвастался и дразнил ее как ребенок:

— Видала, дура? Тебе сотой доли этого не дадут.

Собранные деньги он отдавал в рост новому своему приятелю, длинному и лысому скорняку, прозванному в слободке хлыстом, и его сестре—лавочнице, дородной, краснощекой бабе, с карими глазами, томной и сладкой, как патока.

Все в доме строго делилось; один день обед готовила бабушка из провизии, купленной на ее деньги, на другой день провизию и хлеб покупал дед, и всегда в его дни обеда бывали хуже: бабушка брала хорошее мясо, а он—требуху, печонку, легкие, сычуг. Чай и сахар хранился у каждого отдельно, но заваривали чай в одном чайнике, и дед тревожно говорил:

— Постой, погоди,—ты сколько положила?

Высыплет чайники на ладонь себе и, аккуратно пересчитав их, скажет:

— А у тебя чай-от мельче моего, значит,—я должен положить меньше, мой крупнее, наваристее.

Он очень следил, чтобы бабушка наливала чай и ему, и себе одной крепости, и чтоб она выпивала одинаковое с ним количество чашек.

— По последней, что ли?—спрашивала она, перед тем как слить весь чай.

Дед заглядывал в чайник и говорил:

— Ну, уж—по последней!

Даже масло для лампадки пред образом каждый покупал свое,—это после полусотни лет совместного труда!

Мне было и смешно, и противно видеть все эти дедовы фокусы, а бабушке—только смешно.

— А ты—полно!—успокаивала она меня.—Ну, что такое? Стар-старичек, вот и дурит! Ему ведь восемь десятков,—отша-

гай столько-то! Пускай дурит, кому горе? А я себе да тебе—заработаю кусок, небойсь!

Чудовищная по своей болезненности скупость старичка Каширина, лишающая его всякого человеческого облика не достигает в приведенном отрывке апогея всей бесчеловечной своей дикости. Вот, напр., как дедушка Каширин кормит своего внука Колю (сына Варвары Васильевны от ее брака с Евгением Максимовым).

«В полдень дед, высунув голову из окна, кричал:

— Обедать!

Он сам кормил ребенка, держа его на коленях у себя,—пожует картофеля, хлеба и кривым пальцем сунет в ротик Коли, пачкая тонкие его губы и остренький подбородок. Покормив немного, дед приподнимал рубашенку мальчика, тыкал пальцем в его вздутый животик и вслух соображал:

— Будет, что-ли? Али еще дать?

Из темного угла около двери раздавался голос матери:

— Видите же вы,—он тянется за хлебом!

— Ребенок глуп! Он не может знать, сколько надо ему с'есть...

И снова сорал в рот Коли жвачку. Смстреть на это кормление мне было стыдно до боли, внизу горла меня душило и тошнило.

— Ну, ладно!—говорил, наконец, дед.—На-ко, отнеси его матери.

Я брал Колю,—он стонал и тянулся к столу. Навстречу мне, хрипя, поднималась мать, протягивая сухие руки без мяса на них, длинная, тонкая, точно ель с облосманными ветвями).

Против скупости старика Каширина даже скупость Гоголевского Плюшкина одна только капля в море воды...

К этому времени дед Каширин потерял всю свою способность мышления и сообразительности: «Дед, стряпая, постоянно выбивал стекла в окне концами ухватов и кочерги. Было смешно и странно, что он, такой умный, не догадается обрезать ухваты.

Однажды, когда у него что-то перекипело в горшке, он заторопился и так рванул ухватом, что вышиб перекладину рамы, оба стекла, опрокинул горшок на шестке и разбил его. Это так огорчило старика, что он сел на пол и заплакал.

— Госпеди, Госпеди...».

Мы здесь знакомимся с типичной для старческого слабоумия л а б и л ь н о с т ь ю а ф ф е к т о в старика Каширина, который все более и более терял свои умственные способности. Из всего духовного богатства осталось в конце концов у дедушки Каширина одно только его раньше полное скорби и как-бы покровительной жалости восклицание: «Эх вы-и!...», которым он постоянно любил украшать свою речь.

Морально дедушка Каширин не был совершенно безупречен. Он поощрял воровство своего приемыша, Ивана Цыганок, которого он псылал на лошади с большим возом скупать на базаре провизии; Цыганок же возвращался с полным возом наворован-

ного добра, за что он пользовался особенным предрасположением старика... Это было еще в годы материального расцвета Каширина!

Умер дедушка Каширин, потеряв не только все свое материальное благосостояние, но лишившись совершенно своего ума (*dementia senilis*).

Бабушка Акулина Ивановна Каширина была безусловно замечательная личность, и принадлежит она к тем русским женщинам, которым русский народ обязан лучшими своими, гениальнейшими сынзьями.

Выросла она в неблагоприятных условиях жизни. Отца своего она, видно, совсем не знала и никогда ничего о нем своему внуку (Горькому) не рассказывала. О матери своей, прабабушке Горького, Акулина Ивановна рассказывала, что она «бобылка была, увечный человек; еще в девушках ее барин напугал. Она ночью со страха выкинулась из окна, да бок себе и перебила, плечо ушибла тоже, с того у нее рука правая, самонужная, отсохла, а была она, матушка, знатная кружевница». Не будучи больше в состоянии прокормить себя, прабабушка ушла со своей дочерью Акулиной по миру и нищенствовала, пока Акулине не исполнилось девять лет. Бывали в Муроме, Юрьевце, ходили по Волге вверх, и по тихой Оке. Когда Акулине исполнилось девять лет, прабабушка застыдилась водить свою дочь по миру и осела в Балахне. Собирала милостыню, «кувыркаясь» из дома в дом, а на праздниках—по церковным папертям собирала. Акулина же оставалась дома, учась ремеслу кружевницы и вскоре достигла в этом искусстве, благодаря руководству матери, большого совершенства. Четырнадцать лет от роду Акулина Ивановна вышла замуж за В. В. Каширина и на 15 году уже родила. Родила Акулина Ивановна 18 человек, из которых в живых осталось только трое: два сына—Михайло и Яков—и одна дочь, Варвара.

Акулина Ивановна была большая, крепкая, хорошо сложенная женщина с пышными черными волосами с синим отливом; осыпанная черными волосами, огромная и лохматая, она была похожа на медведицу. Оттого наблюдательный внучек Ленька (Горький) не мог понять, почему сильная бабушка, по его мнению не в пример более сильная, чем маленький, сухонький дедушка с «лицом хорька», допускала, чтобы этот последний ее безжалостно бил. Однако у Акулины Ивановны были свои взгляды на супружество, и она как бы признавала права мужа бить жену. Говорил же Василий Васильевич: «Ты знай: когда свой родной бьет,—это не обида, а наука!». А что за наука—розги, объяснял Цыганок Лексею следующим образом.

— «Когда тебя вдругорядь сечь будут, ты гляди, не сжимайся, не сжимай тело-то,—чуешь? Двойне больней, когда тело сожмешь, а ты распусти его свободно, чтоб оно мягко было,—киселем лежи! И не надувайся, дыши всюю, кричи благим матом,—ты это помни, это хорошо!».

— «Коли он сечет с—навеса, прсто сверху кладет лозу,—ну, тут лежи спокойно, мягко; а ежели он с оттяжкой сечет,—ударит да к себе потянет лозину, чтобы кожу снять,—так и ты виляй телом к нему, за лозой, понимаешь? Это легче!».

Везде наука! Получать удары розог надо тоже умеючи, согласно правилам науки!

Акулина Ивановна была умная очень добрая женщина. Лозунг ее жизни был: «Господи, Господи! Как хорошо все! Нет, вы глядите, как хорошо все!»

Находя все в жизни одинаково хорошим, Акулина Ивановна не могла себя чувствовать несчастной, не могла быть злой, не могла ни на кого обижаться. Глубоко религиозная душа, одаренная богатой фантазией, она себя чувствовала в постоянной связи с богом и добрыми гениями. Однако, она из-за этого не была оторвана от жизни, и усвоила она себе житейскую мудрость лучше любой другой «земной», человеческой твари. Достаточно нам выслушать одно из поучений бабушки Акулины внуку своему Леньке, чтобы убедиться в этом.

—« Вот что, Ленька, голуба-душа, ты закажи себе это: в дела взрослых не путайся! Взрослые—люди порченые; они богом испытаны, а ты еще нет,—и живи детским разумом. Жди когда господь твоего сердца коснется, дело твое тебе укажет, на тропу твою приведет. Понял? А кто в чем виноват,—это дел не твое. Господу судить и наказывать. Ему, а не нам!»

Она помолчала, понюхала табаку и, прищурив правый глаз, добавила:

— Да поди-ка, и сам-от господь не всегда в силе понять, где чья вина.

— Разве бог не все знает?—спросил я удивленный, а она тихонько печально ответила:

— Кабы все-то знал, так бы многого, поди, люди-то не делали бы. Он, чай, батюшка, глядит-глядит с небеси-то на землю, на всех нас, да в иную минуту как восплачет, да как возрыдает: «Люди вы мои, люди, милые мои люди! Ох, как мне вас жалко!».

Она сама заплакала и, не отирая мокрых щек, отошла в угол молиться.

С той поры ее бог стал еще ближе и понятней мне».

Акулина Ивановна была не только глубоко религиозная женщина, но от природы поэтическая душа. Она была вся до мозга костей, до кончиков волос и ногтей проникнута поэзией. Она говорила нараспев, и самая обычная ее речь была настоящей музыкой. Бабушка Акулина обладала неисчерпаемым источником народных песен, былин и сказок, которые она умела до того наивно просто, убедительно рассказывать, что они получали в ее устах характер неопровергаемой действительности.

Какой то чудак под прозвищем «Хорошее дело», который для Горького был «первым человеком из бесконечного ряда чужих людей в родной своей стране,—лучших людей ее», выслу-

шав однажды рассказ бабушки Акулины про Ивана Воина и Мирона отшельника до того расстрогался, что заплакал:

— Знаете, это удивительно, это надо записать непременно! Это страшно верное, наше...

Повторив следующие три стиха из истории про Ивана Воина и Мирона отшельника:

— Это ему в наказание дано:

Злого бы приказу не слушался,

За чужую совесть не прятался!..

«Хорошее дело» сказал однажды Алексею:

— Ты, брат, запомни это, очень!

И, поталкивая меня вперед, спросил:

— Писать умеешь?

— Нет.

— Научись. А научишься,—записывай, что бабушка рассказывает,—это, брат, очень годится....

Сказывала бабушка стихи о том, как богородица ходила по мукам земным, как она увещевала разбойницу «князь-барыню» Енгальичеву не бить, не грабить русских людей; стихи про Алексея, божия человека, про Ивана воина; сказки о прсмудрой Василисе, о Попе-Козле и Божьем Крестнике; страшные были о Марфе Псаднице, о Бабе Усте, атамане разбойников, о Марии, грешнице Египетской, о печалях матери разбойника; сказок былей и стихов она знала бесчисленно много.

Однако, бабушка Акулина не лишена была некоторых странностей, которые впрочем сводятся на повышенную чувствительность (*Ueberempfindlichkeit*) поэтов, и которые подчеркивают лишь поэтическую природу.

«Не боясь ни людей, ни деда, ни чертей, ни всякой иной нечистой силы, она до ужаса боялась черных тараканов, чувствуя их даже на большом расстоянии от себя. Бывало разбудит меня ночью и шепчет:

— Олеша, милый, таракан лезет, задави, Христа ради.

Сонный я зажигал свечку и ползал по полу, отыскивая врага; это не сразу и не всегда удавалось мне.

— Нет нигде,—говорил я, а она, лежа неподвижно, с головой закутавшись одеялом, чуть слышно просила:

— Ой, есть! Ну поищи, прошу тебя! Тут он, я уж знаю...

Она никогда не ошибалась,—я находил таракана где-нибудь далеко от кровати.

— Убил? Ну, слава богу! А тебе спасибо...

И, сбросив одеяло с головы, облегченно вздыхала, улыбаясь.

Если я не находил насекомое, она не могла уснуть; я чувствовал, как вздрагивает ее тело при малейшем шорохе в ночной, мертвой тишине, и слышал, что она, задерживая дыхание, шепчет:

— Около порога он... под сундук пополз....

— Отчего ты боишься тараканов?

Она резонно отвечала:

— А непонятно мне, на что они? Ползают и ползают, черные. Господь всякой тле свою задачу задал: мокрица показывает, что в доме сырость; клоп—значит стены грязные; вошь нападает — нездоров будет человек —все понятно! А эти —кто знает, какая в них сила живет, на что они насылаются?

Несмотря на повышенную свою чувствительность и чуткость к мелочам жизни, бабушка Акулина Ивановна не размякла, не показывала никаких симптомов нервозности, неврастенической утомленности и т. д. и отличалась несказуемой работоспособностью и энергией. Когда раз в доме случился пожар, она развернула такую деятельность, что даже дедушка удивился ее подвигам и похвалил:

«— Милостив господь бывает до тебя, большой тебе разум дает...».

И, действительно, хватало у бабушки Акулины ума разума на разные дела и деяния; она и больных лечила, повитухой служила, разбирала семейные ссоры и споры, лечила детей, сказывала наизусть «Сон Богородицы», чтобы женщины заучивали его «на счастье» и т. д.

«Всем улыбаясь одинаково ласково, ко всем мягко внимательная, Акулина Ивановна заправляла большим пальцем табак в ноздри, аккуратно вытирала нос и палец красным клетчатым платком и говорила:

— Против вшей, сударыня моя, надо чаще в бане мыться, мятным паром надобно париться; а коли вошь подкожная,— берите гусяного сала, чистейшего, столовую ложку, чайную сулемы, три капли веских ртути, разотрите все это семь раз на блюде черепочком фаянсовым и мажьте! Ежели деревянной ложкой али костью будете тереть,—ртуть пропадет; меди, серебра не допускайте,—бредно!

Иногда она задумчиво советовала:

— Вы, матушка, в Печеры, к Асафу схимнику сходите.— не умю я ответить вам».

Давала Акулина Ивановна хозяйственные советы:

«— Огурец сам скажет, когда его солить пора; ежели он перестал землей и всякими чужими запахами пахнуть, тут Вы его и берите. Квас нужно обидеть, чтобы ядрен был, разъярился; квас сладкого не любит, так вы его изюмцем заправьте, а то сахару бросьте, золотник на ведро. Варенцы делают разно: ест дунайский вкус и гишпанский, а те еще кавказский...»

Так жила бабушка Акулина Ивановна на радость себе и другим людям, и хотя она оставалась всю жизнь безграмстной, ум ее был больше просветлен, чем ум многих высоко образованных людей.

Акулина Ивановна—единственная светлая фигура среди предков Г о р ь к о г о. Это не только физически и психически здоровая женщина, но гениальная женщина, насколько вообще существует народный гений. Эта женщина из народа обладала исключительной моральной силой, христиан-

ской добродетелью в истинном смысле этого слова. Ее доброте и оптимизму не было границ, также и христианской ее любви. Она не могла не любить людей, и все люди легко привязывались к ней, чувствовали к ней уважение, грелись у огня ее любви, наслаждались красотой поэтического ее гения. Психическая энергия Акулины Ивановны была огромная, никакая неожиданность не захватывала ее врасплох и постоянно находила она выход из положения. Органы ее чувств особенно слух отличались замечательной тонкостью, память и другие душевные ее способности были на высоте своего развития. Один только алкоголизм более случайный и, можно прямо сказать, не патологический ложится черным пятном на безупречно чистую жизнь Акулины Ивановны. 2 раза в своей жизни запила Акулина Ивановна: в первый раз, когда Василий Васильевич не захотел выкупать из солдат сына Михайла и второй раз, когда дочь Варвара связалась с Максимовым, и Акулина Ивановна видела, как эта связь разорила их материально и должна была кончиться скорой гибелью дочери, в чем она, конечно, не ошиблась. Однако, алкоголизм Акулины Ивановны не имел для нее никаких последствий, так как он был только временный и скоро прекратился.

Если Горький обязан кому-нибудь из своих предков своим гением, то это только своей бабушке Акулине Ивановне Кашириной. Живя долгое время душой и телом в самом близком прикосновении с бабушкой Акулиной, Горький вссас в себя соки народного ее гения, который лег в основу гениального его труда, продолжающегося и по сию пору.

Мать Горького, Варвара Васильевна Каширина, была самая обыкновенная, заурядная женщина и не без сильной примеси психопатических черт. В молодости она была веселой, жизнерадостной, потом, после замужества, ее характер резко изменился и после смерти первого своего мужа, отца Горького, она сделалась совершенно замкнутой, печальной, молчаливой и навела на всех уныние. Ее, видимо, считали больной и относились к ней поэтому снисходительно, а сын ее, Алексей (Горький), думал, что с ней потому так бережно обходятся, что боятся ее, и гордился этим. Бабушка Акулина не считала свою дочь иначе, как больной, и молилась она за свою дочь богу так:

«— Варваре-то улыбнулся бы радостью какой! Чем она тебя прогневала, чем грешней других? Что это: женщина молодая, здоровая, а в печали живет».

Особенной привязанности к своему сыну Алексею Варвара Васильевна, очевидно, не испытывала и скоро после смерти мужа и переселения к родителям в Нижний она оставила сына и родительский дом и уехала на чужбину. Не могла Варвара сжиться с родителями может быть из-за дикости и жестокости жизни в этой семье, а может быть воспоминание о том, что братья хотели—извести ее мужа и виноваты в его ранней смерти изгнали ее из родительского дома.

На чужбине Варвара прижила себе ребенка и, оставив его неизвестно где, вернулась опять к родителям. В это время старики Каширины «выделили» своих сыновей и жили сами со своим внуком Алексеем. Этот раз Варвара стала жить с родителями, завела знакомство с Максимовыми и вышла замуж за дворянина, студента межевого института, Евгения Васильевича Максимова, проигравшего вскоре все придансе в карты. Евгений и Варвара Максимовы, у которых вскоре родился сын, Саша, бедствовали, и Варвара сильно страдала от мужа, который был крайне груб в обращении с ней, изменял ей и избивал. Евгений бывало бьет Варвару носками сапогов в грудь. Образцом красноречия, которым Максимов дарил Варвару может служить следующее обращение:

«— Из-за вашего дурацкого брюха я никого не могу пригласить в гости к себе, корова вы эдакая!».

Варвара, все время болея, успела еще родить Максиму второго ребенка, Николая, и умерла в страшной бедности, закончив свой жизненный путь следующим подвигом. Взволновавшись, что Алексей не выполнил ее приказание позвать к ней вотчима она схватила его за волосы, взяла в другую руку длинный гибкий нож, сделанный из пилы, и с размаха несколько раз ударила Алексея плашмя.

Изнеможенная она легла в постель и умерла.

С дядьми Алексея (Горького), Михайло и Яковом Каширинным, мы имели уже случай познакомиться. Это были отчаянные алкоголики, которым убить человека было ни почем. Яков был видимо тяжелый садист. Он бил и убил жену в постели, ложась с нею спать... Михайло в пьяном виде отправлялся часто на войну с своим отцом и осаждал его дом, выбивая стекла, проламывая двери, бросаясь с кулаками на отца и мать. Эти осаждения продолжались, пока старики Каширины не обеднели и не было больше за чем и что осаждать.

* * *

Познакомившись таким образом с родословною тех двух семей, из смешения которых вышел Максим Горький, мы убедились, что эти семьи, здоровые физически, сильно подорваны были, что касается состояния психического их здоровья. Мы встречаем в этих двух семьях душевные болезни, психопатии, алкоголизм, дегенеративные типы. Такая отягченная наследственность не могла не отразиться на знаменитом потомке этих семей—Максиме Горьком. Как она на нем отразилась—об этом мы будем говорить в следующей главе.

II. Общая характеристика личности Максима Горького в связи с гередофамильярными особенностями его характера и с переживаниями его детства.

Два ряда явлений—внутренние эндогенные, большею частью наследственного характера, и внешние экзогенные—принимают участие в формировании и окончательной выработке личности человека, при чем из экзогенных, формирующих личность человека моментов самыми главными и существенными являются переживания детства. В исключительную роль переживаний детства во всех судьбах дальнейшего развития человека верит психоаналитическая школа, ищущая в каждом случае истерии и вообще психоневроза первопричину заболевания в психической травме, пережитой в раннем детстве, забытой и действующей потом патогенно «исподтишка», как бессознательный комплекс. Если даже не придерживаться этой теории патогенеза психоневрозов, которая, впрочем, если бы генерализировать ее, не менее правдива многих других недоказанных теорий патогенеза этих заболеваний, то все еще приходится приписывать переживаниям детства особенное значение для развития индивидуальности. Никогда человеческая душа не бывает столь доступна воздействиям окружающей среды, как именно в детстве, никогда так восприимчива ко всевозможным впечатлениям, как в детские годы. Привычки, приобретенные в детстве особенно трудно искореняются, и инокулированные ребенку окружающими людьми взгляды, воззрения, образ мышления и чувствования до того переходят в плоть в кровь его, что он иногда представляет точную фотографию своей среды. При изучении личности человека необходимо поэтому для ее понимания опуститься в «пустые» недра его детства, чтобы в этой якобы пустоте тем легче уловить то содержание, которое действовало определяющим образом на ход развития личности изучаемого нами человека.

Детство Горького уж никак нельзя, даже сравнительно нельзя, назвать пустым. Это было самое бурное, богатое разнообразными событиями детство, которое мы себе только можем представить. Такое детство не могло не оставить в душе Горького глубоких следов, на столыших колей, по которым шли колеса дальнейшего развития его личности. Изучение этого детства крайне поучительно и без него написать духовный портрет Горького невозможно.

Начинается детство Горького смертью и кончается оно смертью! Первое воспоминание Горького из самого раннего своего детства это смерть отца: «В полутемной тесной комнате, на полу под окном, лежит мой отец, одетый в белое и необыкновенно длинный; пальцы его босых ног странно растопырены, пальцы ласковых рук, смиренно положенных на грудь, тоже кривые; его веселые глаза плотно прикрыты черными кружками

медных монет, доброе лицо темно и пугает меня нехорошо оскаленными зубами».

И сказала рыдающая бабушка своему маленькому внучку: «— Попрощайся с тятей-то, никогда уж не увидишь его, номер он, голубчик, не в срок, не в свой час»...

А когда умерла мать Горького дедушка сказал ему:

«— Ну Алексей ты—не медаль на шее у меня—не место тебе, а иди-ка ты в люди.

И пошел я в люди».

Так кончилось детство Горького—хождением в люди...

Между этими двумя смертями, очерчивающими черным кругом детство Горького течет жизнь дитятки Олеси в море моральной грязи, в потоках слез, крови, при шуме пьяных криков, брани, свисте розог, смешанном хоре шлепающих, глухих и звонких побоев, стонов, сердце раздирающих криков, плача, рыданий, в омуте мук и страданий.

Сам Алеша не был одним только зрителем ужасающей по своей чудовищности окружающей жизни, но был активным лицом этой жизни, привнося в нее большую лепту своих страданий. Будучи, как всякий здоровый подрастающий ребенок, очень любопытным, беспокойным, деятельным, и желая подражать взрослым, он легко, отчасти сознательно, отчасти благодаря своей неопытности и непониманию преступал границы дозволенного и допустимого и подвергался строгим наказаниям дедушки который его часто порол и однажды чуть на смерть не запорол.

Эти телесные наказания были сравнительно ни по чем в сравнении с теми травмами, которые Алеша иногда на себя навлекал, благодаря неумению сдерживать себя, своему неуважению к старшим и прямому своему озорству. Вот что однажды случилось.

Дядя Михайло «сидел на полу, растопырив ноги, и плевал перед собою, шлепая ладонями по полу. На печи стало нестерпимо жарко, я слез, но, когда поравнялся с дядей, он поймал меня за ногу, дернул, и я упал, ударившись затылком.

— Дурак,—сказал я ему.

Он вскочил на ноги, снова схватил меня и взревел, размахнувшись мной:

— Расшибу об печку...

Очнулся я в парадной комнате, в углу, под образами, на коленях у деда; глядя в потолок, он покачивал меня и говорил негромко:

— Оправдания же нам нет никому».

Подобного рода тяжелую травму причинил себе Алеша уже не по озорству, а по болезни, когда он выздоравливал из тяжелого заболевания острой, однако все еще, видимо, бредил, и он видел ужасную галлюцинацию, от которой едва не погиб.

«Однажды вечером, когда я уже выздоравливал и лежал развязанный,—только пальцы были забинтованы в рукавички, чтоб я не мог царапать лица,—бабушка почему-то запоздала

притти в обычное время, это вызвало у меня тревогу, и вдруг я увидел ее: она лежала за дверью на пыльном помосте чердака, вниз лицом, раскинув руки, шея у нее была на половину перерезана, как у дяди Петра: из угла из пыльного сумрака к ней подвигалась большая кошка, жадно вытаращив зеленые глаза.

Я вскочил с постели, вышиб ногами и плечами обе рамы окна и выкинулся на двор, в сугроб снега. В тот вечер у матери были гости, никто не слышал, как я бил стекла и ломал рамы, мне пришлось пролежать в снегу довольно долго. Я ничего не сломал себе, только вывихнул руку из плеча, да сильно изрезался стеклами, но у меня отнялись ноги, и месяца три я лежал, совершенно не владея ими: лежал и слушал, как все более шумно живет дом, как часто там внизу хлопают двери, как много ходит людей».

Такие тяжелые травмы (часто по голове!) и болезни не могли, конечно, остаться без всякого влияния на слагавшуюся общую конституцию Горького, и в них придется нам усматривать один из тех моментов, которые способствовали развитию в нем предрасположения к душевным болезням.

Не менее тяжелы были и те многочисленные психические травмы, которые переживал Горький в лютые годы своего детства. «Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие». Вся людская пошлость, вся моральная грязь, которые нагромождает злой гений вражды вокруг людей кололи день за днем глаза Алеша, и незаметно для самого себя втянулся Алеша в эту грязь, развивая в себе острые чувства мести, иногда жестокосердной. Алеша питал враждебные чувства к дедушке за то, что он бьет бабушку, решил отомстить ему и придумывал, как отомстить.

Это было, когда однажды дедушка особенно гадко и страшно избивал бабушку на глазах Алексея. «Предо мною, в сумраке, пылало его красное лицо, развевались рыжие волосы: в сердце у меня жгуче кипела обида, и было досадно, что я не могу придумать достойной мести.

Но дня через два, войдя зачем-то на чердак к нему, я увидел, что он, сидя на полу перед открытой укладкой, разбирает в ней бумаги, а на стуле лежат его любимые святцы—двенадцать листов толстой серой бумаги, разделенных на квадраты по числу дней в месяце, и в каждом квадрате—фигурки с всех святых дня. Дед очень дорожил этими святцами, позволяя мне смотреть их только в тех редких случаях, когда был почему-либо особенно доволен мною, а я всегда разглядывал эти тесно составленные серые маленькие и милые фигурки с каким-то особенным чувством. Я знал жития некоторых из них—Кирика и Улиты, Варвары Великомученицы, Пантелеймона и еще многих, мне особенно нравилось грустное житие Алексея, божия человека, и прекрасные стихи о нем: их часто и трогательно читала мне ба-

бушка. Смотришь, бывало, на сотни этих людей и тихо утешаешься тем, что всегда были мученики.

Но теперь я решил изрезать эти святцы и, когда дед отошел к окошку, читая синюю с орлами бумагу, я схватил несколько листов, быстро сбежал вниз, стащил ножницы из стола бабушки, и, забравшись на полати, принялся отстригать святым головы. Обезглавил один ряд и—стало жалко святцы; тогда я начал резать по линиям, разделявшим квадраты, но не успел искрошить второй ряд—явился дедушка, встал на приступок и спросил:

— Тебе кто позволил святцы взять?

Увидав квадратiki бумаги, рассеянные по доскам, он начал хватать их, подносил к лицу, бросал, снова хватал, челюсть у него скривилась, борода прыгала, и он так сильно дышал, что бумажки слетали на пол.

— Что ты сделал?—крикнул он, наконец, и за ногу дернул меня к себе; я перевернулся в воздухе, бабушка подхватила меня на руки, а дед колотил кулаками ее, меня и визжал:

— Убью-у!

Явилась мать, я очутился в углу, около печи, а она, загораживая меня, говорила, лоя и отталкивая руки деда, летавшие перед ее лицом:

— Что за безобразие? Опомнитесь!..

Дед повалился на скамью, под окно, завывая:

— Убили! Все, все против меня, а-а».

Судя по тому, как убивался старик из-за поврежденных святцев, месть внучка, целившая на жестокую обиду, удалась. Успокоили старика, обещавши ему наклеить поврежденные и неповрежденные его святцы на коленкор, внучок же не успокоился и обещался отстричь дедушке бороду, если он еще будет бить бабушку...

В другой раз Алеша не придумывал свою месть, а действовал импульсивно, причем обнаружилась в нем истинная природа Пешковых, которая, впрочем, получала для своего расцвета много питательных соков в окружающем milieu.

«Однажды, во время вечернего чая, войдя со двора в кухню, я услышал надорванный крик матери:

— Евгений, я тебя прошу, прошу...

— Глу-по-сти!—сказал вотчим.

— Но, ведь, я знаю,—ты к ней идешь!

— Н-ну!

Несколько секунд оба молчали, мать закашлялась, говоря:

— Какая ты злая дрянь...

Я слышал, как он ударил ее, бросился в комнату и, увидав, что мать, упав на колени, оперлась спиной и локтями о стул, выгнув грудь, закинув голову, хрипя и страшно блестя глазами, а он, чисто одетый, в новом мундире, бьет ее в грудь длинной своей ногою. Я схватил со стола нож с костяной ручкой в се-

ребре,—им резали хлеб, это была единственная вещь, оставшаяся у матери после моего отца,—схватил и со всюю силою ударил вотчима в бок.

По счастью, мать успела оттолкнуть Максимова, нож проехал по боку, ширско распоров мундир и только оцарапав кожу. Вотчим, охнув, бросился вон из комнаты, держась за бок, а мать схватила меня, приподняла и с ревом бросила на пол. Меня отнял вотчим, вернувшись со двора».

Эти вспышки детского гнева и жестокой мести, как и многие другие человеконенавистнические поступки Алексея Пешкова не представляли, к счастью, самое нутро, настоящее ядрышко его психоконституции, а были большею частью навеяны примерами той среды, в которой воспитывался и жил Алексей. Может быть жило еще в молодом Алексее нечто из того садистического инстинкта, который представлял основную черту характера его предков по линии отца (отчасти и матери). Но когда Алексей Пешков развивался в Максима Горького, тот налет садизма, который отмечался у великого писателя в детстве, совершенно испарился, и М. Горький оказался по своей природе—м а з о х и т о м!

Когда я говорю здесь о садизме и мазохизме, окрещенные оба Schrenck-Notzing'ом общим термином алголагния, то я понимаю под этими словами не то половое извращение, с которым часто приходится встречаться в борделях и публичных домах. а тот т и м о п с и х и ч е с к и й п р и н ц и п *), в силу которого одни люди оказываются более склонными к человеконенавистничеству, к насилию, жестокости (садисты), другие же, наоборот человеколюбивы, жалостливы, готовы жертвовать личными интересами на благо других людей, и испытывающие удовольствие при виде счастья своих ближних, если оно даже куплено личными страданиями (мазохисты). Мазохисты это страдальческие натуры, натуры испытывающие удовольствие страдая, собственно от страдания. Многим, конечно, мазохизм кажется парадоксальным явлением, т. к. им непонятно как боль, страдание, которых человек в общем избегает, могут служить источником удовольствия и счастья. Однако, факт остается фактом; к тому же известно, что не все люди любят сладкое, и что кислое и горькое могут быть предпочитаемы сладкому, как источник особенно пикантных радостей. Страдание до того близко соприкасается у людей с удовольствием и счастьем, что при известных условиях незаметно для самого человека само страдание делается источником удовольствия. Говорит же Г о р ь к и й —чтобы привести один пример из бесчисленного множества других: «И грусть, и радость

*) Различают вместе с венским психиатром Странским (Stranisky) тимопсихику (Thymopsyche) и ноопсихику (Noopsyche), понимая под первым термином аффективную под вторым интеллектуальную жвань индивидуума.

жили в людях рядом, нераздельно почти, заменяя одна другую с неувловимой, непонятной быстротой» *).

Вот в нескольких ядерных словах правильный генез мазохистических чувствований. Радость и грусть; удовольствие и страдание, боль и благостояние, могут незаметно переходить одна в другое и сопровождаться одними и теми же радостными ощущениями, так что у некоторых предрасположенных к тому индивидов радость, удовольствие находят свою остроту именно в том оттенке грусти, боли, страдания, которые присущи этой радости, удовольствию. Грустная «щиплющая сердце» музыка самый простой пример невинного мазохистического удовольствия).

Быстрое распространение христианских религий на земном шаре лучше всего свидетельствует о том, насколько люди в общем восприимчивы к столь странному на первый взгляд мазохистическому принципу тимопсихики. Вся мораль христианская заключается в том, чтобы быть счастливым, страдая, и чтобы страдать господу богу на славу, а людям на удовольствие! Все учение Иисуса Христа от первой до последней буквы переисполнено мазохистическими заветами, а жизнь Иисуса Христа есть пример мазохистического великомученичества.

Мазохистический принцип, как принцип не только прповедывающий, но по существу содержащий в себе любовь к людям, любовь до самозабвения, до самопожертвования безусловно очень плодотворный, а потому высокморальный принцип в людских сношениях. Величайшие гении мира, вплоть до Л. Н. Толстого, были мазохистами. Мы поэтому меньше всего удивимся, что гений Горького вытеснил совершенно намекающийся у него в детстве наследственный садизм, и Горький сделался образцом мазохистического миропонимания.

Читая, напр., рассказ Горького: «Мой спутник» (1896) (Собрание сочинений том I), где автор описывает совместную свою жизнь с «князем» Шакуро во время длинного пешеходного странствования из Одессы в Тифлис, мы удивляемся, до чего могла доходить христианская крепость Горького, его наивное доверие к людям, его вера в торжество добра над злом. Как ни оскорблял Шакуро Горького, как он над ним ни издевался, ни обманывал, подводил, обкрадывал, всячески ругал, злорадствовал и откровенно даже желал его гибели, Горький считал своим долгом кормить своего «спутника», работая за двоих и лишая самого себя самого необходимого, и до последнего дня странствования отдавал ему постоянно лучший кусок. А кончилось дело тем, что Шакуро обманул Горького и в последней его надежде и, когда они наконец прибыли в Тифлис, где Шакуро должен был представить Горького своим родителям и вознаградить его за столь

*) Горький. Детство. стр. 36. X том «Собрания Сочинений». Госиздат. Ленинград 1924.

большую бескорыстно оказанную помощь, Шахро, стравляясь к родителям, «одолжил» у Горького на пару минут башлык и исчез навсегда! Цинизм Шахро был часто до того чудовищным, что христианская добродетель Горького по отношению к этому низкому и злему преступнику казалась глупостью. Но до чего же доходит мазохизм в своем увлечении!..

Как происходил в Горьком метаморфоз Алексея Пешкова в Максима Горького, не трудно сказать. Находясь под постоянным влиянием бабушки Акулины Ивановны, переисполненной христианской кротостью и бескорыстной любовью к людям, и искренно любя бабушку, Алексей уже в детстве в поучениях и примерах бабушки находил достаточную дозу противоядия против природного, но, видимо слабо, развитого в нем садизма, а когда Горький вышел в люди и начал познавать людей, достигая в своем познании большего совершенства, то Горький ничего другого не мог сделать, как полюбить людей великой мазохистической любовью, ибо правильно говорит Дмитрий Сергеевич Мережковский: *) «Великая любовь — дочь великого познания».

Стоит прочитать апофеоз Горького: «Человек» (1903)**), чтобы убедиться, как высоко Горький ценит человека, какую непреодолимую мощь, какую всепокоряющую энергию ума и воли он видит почти в каждом индивидуе, заслуживающем высокое звание человека.

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его, необятный, как мир, медленно шествует, — вперед! и — выше! трагически прекрасный человек!

Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной, мощной Мысли, той Мысли, что постигла чудесную гармонию вселенной, той величавой силы, которая в моменты утомления — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает.

Непримиримый враг позорной нищеты людских желаний, хочу, чтоб каждый из людей был Человеком!

Бессмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно весь уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом, и дарами духа!

Да будут прокляты все предрассудки, все предубеждения и привычки, опутавшие мозг и жизнь людей, подобно липкой паутине. Они мешают жить, насилуя людей, — я их разрушу!

Мое оружие мысль, а твердая уверенность в свободе Мысли, в ее бессмертии и вечном росте твердества ее — неисчерпаемый источник моей силы!

*) Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений том III. Трилогия Христос и Антихрист. II. Воскресшие боги (Леонардо да-Винчи). Десятая книга. Тихие волны. X. Стр. 52. Сытин. Москва. 1914.

**) Горький, М. Собрание сочинений, Том III. Госиздат. Ленинград. 1924.

Мысль для меня есть вечный и единственно несложный маяк во мраке жизни, огонь во тьме ее позорных заблуждений; я вижу что все ярче он горит, все глубже освещает бездны тайн, и я иду в лучах бессмертной Мысли, во след за ней, все—выше! и—вперед!

Для мысли нет твердынь несокрушимых, и нет святынь незблемых ни на земле ни в небе! Все создается ею, и это дает святое неотъемлемое право разрушать все, что может помешать свободе ее роста».

И заканчивает Горький свой апофеоз Человека:

«Вот снова, величавый и свободный, подняв высоко гордую главу, он медленно, но твердыми шагами, идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений, за ним—пыль прошлого тяжелой тучей, а впереди—стоит толпа загадок, бесстрастно ожидающих его.

Они бесчислены, как звезды в бездне неба, и Человеку нет конца пути!»

Так шествует мятежный Человек—вперед! и—выше!—все—вперед! и—выше!

Однако, пока совершился полный метаморфоз Алексея Пешкова в Максима Горького, мы видим первого тяжело страдающим под бременем очень неблагоприятной, отягчающей наследственности. Мы отмечаем у Алексея Пешкова сильное предрасположение к душевным заболеваниям, супицидоманию, порноманию и много других психопатических черт, каковы жестокосердие, мстительность, моральная дефективность, человеконенавистничество, озорство и т. д. Вот один из наиболее характерных примеров, рисующих озорство, озлобленность на людей и патологические аффективные состояния (отчаяние, продолжительное, глубокое недовольство, страсть к уединению и т. д.) молодого Алексея.

«Я ненавидел старуху (мать Евгения Максимовича, второго мужа Варвары Васильевны)—да и сына ее—сосредоточенной ненавистью, и много принесло мне побсев это тяжелое чувство. Однажды за обедом она сказала, страшно выкатив глаза:

— Ах, Алешенька, зачем ты так торопишься кушать и такие большущие куски! Ты подавишься, милый!

Я вынул кусок изо рта, снова надел его на вилку и протянул ей:

— Возьмите, коли жалко...

Мать выдернула меня из-за стола, я с позором был прогнан на чердак,—пришла бабушка и хохстала зажимая себе рот:

— Ах, ба-аюшки! Ну и озорник- же ты, Христос, с тобой...

Мне не нравилось, что она зажимает рот, я убежал от нее, залез на крышу дома и долго сидел там за трубой. Да мне очень

*) См. соответствующие мои работы в этом «архиве» описывающие душевные заболевания и тяжелые психопатические состояния Максима Горького.

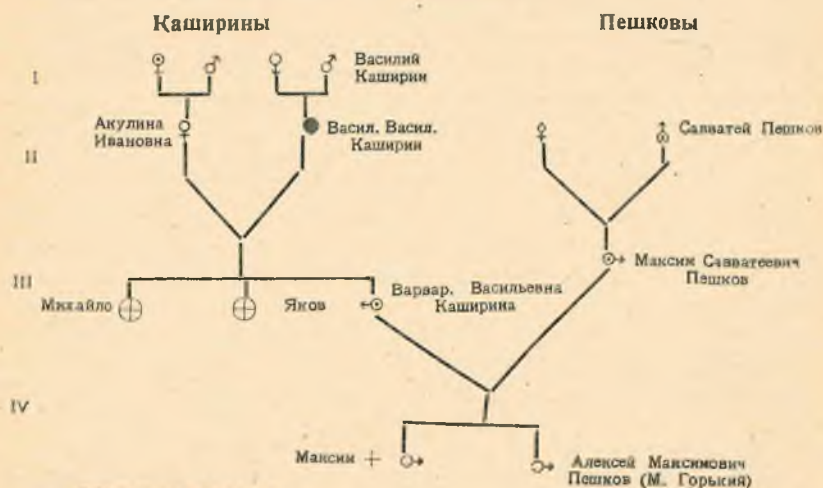
хотелось озорничать, говорить всем(!) злые слова, и было трудно побороть это желание, а пришлось побороть: однажды я намазал стулья будущего вотчима и новой бабушки вишневым клеем, оба они прилипли; это было очень смешно, но когда дед отколотил меня, на чердак ко мне пришла мать, привлекла меня к себе, крепко сжала коленями и сказала:

— Послушай,—зачем ты злишься? Знал бы ты, какое это горе для меня!»

Это озорство и непреодолимое желание говорить всем злые слова, явление известные в психиатрической литературе под термином *Wortsadismus* (садизм слов), как и сильное озлобление на людей, часто мучили Горького, как он это между прочим описывает в «Случае из жизни Макара». Мы имеем здесь таким образом дело не со случайными явлениями в характере Алексея Пешкова, а с основными тяжело патологическими чертами его личности, которое он лишь с большим трудом поборол.

Когда же гений Г о р ь к о г о победил ту злую бестию, которую вселили в его душу демоны исключительно отягчающей наследственности, Горький стал проливать на людей лучезарный свет любвеобильной своей души, и неисчислимы часы великой радости и истинного неземного счастья, которыми дарит Г о р ь к и й уж много, много лет людям и человечество.

Генсамологическая таблица М. Горького.

Объяснение знаков:

- Норма
- душевная болезнь
- ◐ психопатия
- ⊕ Психопатия + алкоголизм
- Ⓛ алкоголизм

Пориомания *) Максима Горького.

Д-ра И. Б. Галапт (Москва).

O wandern, wandern meine Lust,
O wandern!
Herr Meister und Frau Meisterin
Lass mich im Frieden weiterziehen
und wandern.
(Wilhelm Müller «Wanderschaft».)

Если нам трудно указать со строго научною точностью, какая внутренняя связь имеется между суицидоманией **М а к с и м а Г о р ь к о г о** и его безусловно отягчающей наследственностью, так как в асценденции **Г о р ь к о г о** самоубийства не встречаются, и мы должны представлять себе эту связь таким образом, что наследственные дегенеративные черты, переходя от предков к потомкам способны в а р и и р о в а т ь и принимать совершенно новые до сих пор небывалые формы, то пориомания или страсть к бродяжничеству **Г о р ь к о г о** очень легко находит свое объяснение, как переданная по наследственности психопатическая черта. Отец **Г о р ь к о г о** одно время в юности своей бродяжничал, а прабабушка и бабушка его по линии матери тоже долгое время нищенствовали и бродяжничали. Неудивительно поэтому встретиться с пориоманией и у самого **Г о р ь к о г о**.

П о р и о м а н и я, в какой форме она бы ни встречалась, есть психопатическая черта, свидетельствующая о более или менее тяжелом нарушении общего психического равновесия индивида. Обыкновенно прельщаются бродяжничеством люди неустойчивые (die Haltlosen), боящиеся серьезного труда (по просту говоря: лентяи), страдающие болезненным любопытством и жадностью новых впечатлений (и м б е ц л ь н а я н е о ф и л и я). Возможны конечно и другие причины бродяжничества, которые однако являются более случайными (душевная болезнь—эпилепсия, шизофрения и т. д.).

Что бродяжничество встречается почти исключительно у неуравновешенных, чтобы не сказать тяжело психопатических и душевно-больных людей, об этом свидетельствуют наилучшим образом произведения самого **Г о р ь к о г о**. Сколько бродяг **Г о р ь к и й** не нарисовал—а рисовал их **Г о р ь к и й** в большом количестве—все они даже те которые способны вызывать нашу

*) **Пориомания**—научное психиатрическое обозначение страсти к бродяжничеству.

симпатию, психопаты от роду или люди опсихопатившиеся, душевно-больные, олигофреники, всякого рода преступники и другие темные люди.

Если остановиться на любых двух, трех рассказах Горького, рисующих бродяг, напр., на рассказах «В степи» (1897), «Проходимец» (1898), «Товарищи» (1895)*), то мы сейчас же знакомимся с тяжелыми преступниками («Студент» в рассказе «В степи») или с тяжелыми психопатами, каковы Павел Игнатьевич Промтов, «Проходимец» или Витя Тучков, герой рассказа «Товарищи». Честный бродяга в рассказе «Дело с затяжками» (1895)**) оказывается тяжелым олигофреником и т. д.

Бродяга Промтов может нас здесь особенно интересовать, так как он развивает философию бродяжничества, которая, пожалуй, одно время не была совсем чуждой и Алексею Пешкову, так долго и усердно бродившему по безбрежным степям, полям и равнинам великой матушки России. Горький, во всяком случае, очень любил ту романтическую черту, которая более или менее присуща всякой бродяжьей жизни. то богатство случайностями и неожиданностями, ту пестроту впечатлений, которую нередко приносит с собой бродяжничество. Сама философия бродяжничества, как ее развивает Промтов такова:

«Вы должны понять это—в бродяжьей жизни есть нечто всасывающее, поглощающее. Приятно чувствовать себя свободным от обязанностей от разных маленьких веревочек, связывающих твое существование среди людей... от всяких мелочишек до того облепляющих твою жизнь что она становится уже не удовольствием, а скучной ношей... тяжелым лукошком обязанностей... вроде обязанности одеваться—прилично говорить—прилично.... и все делать так, как принято, а не так, как тебе хочется. При встрече со знакомыми нужно, как это принято, сказать ему—здравствуй! а не—издохни!—как это иногда хочется сказать».

Вообще—если говорить по правде—так все эти торжественно-дурацкие отношения, что установились между порядочными городскими людьми—скучная комедия! Да еще и подлая комедия, потому что никто в глаза не называет ни дураком, ни мерзавцем... а если иногда это и делается, так только в припадке той искренности, которую называют злобой...

А на бродяжьем положении живешь вне всякой этой канители... то же обстоятельство, что ты без сожаления отказался от разных удобств жизни и можешь существовать без них, как-то приятно приподнимает тебя в своих глазах. К себе становишься снисходительным без оглядки... хотя я к себе никогда не относился строго, не одергивал себя и зубы моей совести никогда у

*) Все три рассказа во II томе Собрания сочинений. Госиздат. 1924 или том II и III сочинений Горького, изданных товариществом «Знание» С. Петербург 1900 г.

**) Том I Собрания сочинений.

меня не ныли.... не царапал я моего сердца когтями моего ума. Я, знаете, рано и как-то незаметно для себя, твердо усвоил самую простейшую философию: как ни живи—а все-таки умрешь: зачем же ссориться с собой, зачем тащить себя за хвост влево когда натура твоя во всю мочь прет направо? И людей, которые рвут себя на-двое, я терпеть не могу... Чего ради они стараются? Бывало, я разговаривал с такими юродивыми. Спрашиваешь его: о чем ты, друг, поешь, зачем ты, брат, скандалишь? Стремлюсь говорит, к самоусовершенствованию... Чего же, мол, ради? Как так—чего ради? В совершенствовании человека—смысл жизни.. Ну, я этого не понимаю; вот в совершенствовании дерева смысл ясен—оно усовершенствуется до пригодности в дело, и его употребят на оглоблю, на гроб или еще на что-нибудь полезное для человека... Ну хорошо! ты совершенствуешься—это твое дело; но, скажи, зачем ты ко мне пристаешь и меня в свою веру обратить хочешь? А затем говорит, что ты скот и не ищешь смысл в жизни. Да я же нашел его, ежели я скот и сознание скотства моего не отягощает меня. Врешь, говорит. Коли ты, говорит, сознаешь, ты должен исправиться. Как исправиться! Да, ведь я живу в мире с собой, ум и чувства у меня едино суть, а слово и дело в полной гармонии! Это, говорит, подлость и цинизм... И вот так рассуждают все они, бывало. Чувствую я, что они и врут и глупы; чувствую это и не могу не презирать их, потому что—я людей знаю!—если в все сегодняшнее подлое грязное и злое объявить завтра честным, чистым, добрым—все эти морды, без всякого усилия над собой, завтра же и будут совершенно честными, чистыми и добрыми. Им для этого понадобится только одно—трусость свою уничтожить в себе... Так-то.

Резко это, говорите? ничего, сойдет. Пусть резко, зато правильно... Я, видите, ли так полагаю: служи богу или чорту, но не богу и чорту. Хороший подлец всегда лучше плохого честного человека. Есть черное и есть белое, а смешай их—будет грязное. Я всю жизнь мою встречал только плохих честных людей, таких знаете, у которых честность-то из кусочков составлена, точно они ее под окнами собирали, как нищие. Это—честность разноцветная, плохо сслезенная с трещинами... А то есть честность книжная, вычитанная и служащая человеку—как его лучшие брюки—для парадных случаев... Да, и вообще, все хорошее у большинства хороших людей—праздничное и деланное; держат они его не в себе, а при себе, на показ, для форса друг перед другом... Встречал я людей и по самой натуре своей хороших... но редко они встречаются и почти только среди простых людей, вне стен города... Этих сразу чувствуешь—хорош! И видишь, родился хорошим... да!

А, впрочем, чорт с ними со всеми—и с хорошими и с плохими! Знать я не хочу Гекубы...

Я понимаю, что рассказываю вам факты жизни моей кратко и поверхностно, и что вам трудно понимать—отчего и как... но это уже дело мое. Да и суть не в фактах а в настроениях. Факты—

одна дрянь и мусор. Я могу много наделать фактов, если захочу... возьму вот нож, да и суну его вам в горло—вог и будет уголовный факт! А то ткну в себя этот нож—тоже факт будет... вообще, можно делать самые разнообразные факты, если настроение позволяет. Все дело в настроениях—они плодят факты и они творят мысли... и идеалы... А знаете вы, что такое идеал? Хе! Это престо костыль, придуманный в ту пору, когда человек стал плохим скотом и начал ходить на одних задних лапах. Подняв голову от серой земли, он увидал над ней голубое небо и был ослеплен великолепием его ясности. Тогда он, по глупости, сказал себе—я достигну его. И с той поры он шляется по земле с этим костылем, держась при помощи его до сего дня все еще на задних лапах.

Вы не подумайте, что и я тоже лезу на небо—никогда не ощущал такого желания... я это так сказал, для красного словца».

По одному этому монологу, который однако необходимо было привести целостью, если мы одним взмахом крыльев хотели добраться до самых источников, из которых интеллигент-бродяга черпает мудрость своей жизни, и одним взглядом обнять идейную сторону этой жизни, мы легко убеждаемся, какой бесплодный нигилизм, чудовищный цинизм, неоправданный, злой эгоизм лежат в основе мировоззрения бродяги. Отрицая всякую общественную жизнь, так как он видит в ней одни только отрицательные ее стороны, не будучи в состоянии понять весь смысл общественной жизни людей, как основного фактора культурного строительства человеческого рода, бродяга, благодаря крайне болезненному своему эгоизму и беспринципности легко решается на всякого рода антисоциальные поступки и кончает тем, что втягиваясь все более и более в омут преступных злодеяний, теряет всякий человеческий облик и хладнокровнейшим образом совершает неслыханные гнусности ничего лучшего для себя не ожидая как верную гибель. «Я уверен, говорит Промтов, что если меня когда-нибудь будут бить—меня не изувечат, а убьют. На это нельзя обижаться и было бы глупо этого бояться».

Морали, конечно, бродяги никакой не признают, видя в ней одну из многих глупых условностей социальной жизни людей. К тому же интеллигент-бродяга до того способен разукрасить безнравственность потоком красноречивых слов, что она в его устах превращается чуть ли не в добродетель. Послушаем, как Промтов «оправдывает» ту ложь и обман, которыми он опутывает людей.

«Врать умеючи—высокое наслаждение, скажу я вам. Если врешь и видишь, что тебе верят,—чувствуешь тебя приподнятым над людьми, а чувствовать себя выше людей—удовольствие редкостное! Овладеть их вниманием и мыслить про себя—дурачье! А одурачить человека всегда приятно. Да и ему человеку—то, тоже ведь приятно слышать ложь, хорошую ложь, которая гладит его по шерстке. И, может быть, всякая ложь—хороша, или же, наоборот,—все хорошее—ложь. Едва ли на свете есть

что-нибудь более стоящее внимания, чем разные людские выдумки: мечты, грезы и прочее такое. К примеру, возьмем любовь—я всегда любил в женщинах как раз то, чего у них никогда не было и чем я обыкновенно сам же их награждал. Это и было лучшее в них. Бывало, видишь свежую бабеночку и сейчас же соображаешь—обнимать она должна—этак. Раздетая она такова, в слезах—такая-то, в радости—во! такая. Потом незаметно уверишь себя, что все это у нее есть, именно так есть, как ты того хочешь... И, разумеется, по ознакомлении с нею, какова она есть на самом деле, торжественно садишься в лужу!.. Но это неважно—ведь нельзя же быть врагом огня только за то, что он иногда жжется, нужно помнить, что он всегда греет,—так ли? Ну вот... По сей причине и ложь нельзя называть вредной, поносить ее всячески, предпочитая ей истину... еще неизвестно ведь—что она такое, эта истина, никто не видал ее паспорта... и может быть, она, по пред'явлении документов, чорт знает, чем окажется...

Трудно поверить, что Горький, увлекаясь бродяжьей жизнью, одобрял ее всю в принципе и ее ставил, подобно Промтову, как идеал человеческой жизни. В таком случае Горький не выбрался бы никогда из бродяжьей жизни и пропал бы несчастным бродягой. Бродяжничал Алексей Пешков вынужденно, иногда же без нужды из-за скуки и увлечения «свободой» бродяжьей жизни и бродяжничал он, отыскивая где попало временную работу, чтобы прокормиться; временами совершал он бродяжничая преступления, в общем же знал во всем меру и никогда не погружался в грязь бродяжьей жизни так, чтобы совершенно не выбраться из нее или выбраться с большим ущербом для нравственной своей личности.

Из преступлений, совершенных Алексеем Пешковым во время бродяжничества, можно отметить кражу со взломом, как Горький это рисует в рассказе: «Однажды осенью» (1894) (Том I собрания сочинений). Решился А. Пешков на этот шаг мучимый жалостью к несчастной, голодной и избитой проститутке. Впрочем, Алексей Пешков мог бы быть восприимчив к воровству и по другой причине, т. к. в той среде, где рос и воспитывался Алексей, воровство вообще-то не считалось преступлением:

«Воровство в слободе не считалось грехом, являясь обычаем и почти единственным средством к жизни для полуголодных мещан. Полтора месяца ярмарки не могли накормить на весь год, и очень много почтенных домохозяев «прирабатывали на реке»—ловили дрова и бревна, унесенные половодьем, перевозили на досчанниках мелкий груз, но, главным образом, занимались воровством с барж и вообще—«мартышничали» на Волге и Оке, хватая все, что было плохо положено. По праздникам большие хвастались удачами своими, маленькие слушали и учились.

Весною, в горячее время перед ярмаркою, по вечерам улицы слободы были обильно засеяны упившимися мастеровыми, из-

возчиками и всяким рабочим людом—слободские ребяташки всегда ошаривали их карманы, это был промысел узаконенный. Им занимались безбоязненно, на глазах старших.

Воровали инструмент у плотников, гаечные ключи у легковых извозчиков, а у ломовых—шкворни. железные подоски из тележных осей. »

Таким образом, мы видим, что обвинять одну только наследственность в выработке патологических черт характера рискованно и следует постоянно принимать во внимание и внешние условия жизни, в которых живет человек. Отягченная наследственность безусловно предрасполагает к развитию психопатий или психопатических черт характера, и *ceteris paribus* человек с отягченной наследственностью скорее заболеет душевной болезнью чем таковой с благополучной наследственностью. С другой стороны, не надо забывать, что при исключительно хороших условиях жизни человек с отягченной наследственностью может быть совершенно иммунным к душевным заболеваниям. Что касается Г о р ь к о г о, то условия жизни были против него и в развитии его пориомании следует обвинять не только наследственность, но и известные условия жизни еще в школьные его годы, когда он был принужден зарабатывать на жизнь ветошничеством.

«Я тоже начал зарабатывать деньги: по праздникам, рано утром, брал мешок и отправлялся по дворам, по улицам собирать говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди. Пуд тряпок и бумаги ветошники покупали по двугривенному, железо—тоже, пуд костей по гривеннику, по восемь копеек. Занимался я этим делом в будни после школы, продавая каждую субботу разных товаров копеек на тридцать, на полтинник, а при удаче и больше».

Многим покажется сомнительным, что занятие ветошничеством может быть моментом, предрасполагающим к пориомании. Мое личное убеждение таково, что бродить целыми днями с мешком на плечах и рыться в разном соре и мусоре не может не предрасположить к бродяжничеству особенно лиц, и без того предрасположенных к пориомании наследственно. Что бродяжничество ветошника, все равно что нищенствование, будит в человеке бродяжнический его инстинкт не может быть и потому еще подвержено сомнению, что большинство нищенствующих очень легко впадает в пориоманию, что впрочем легко объясняется еще тем обстоятельством, что у них нет своего собственного крова.

Наследственность и условия жизни толкали Г о р ь к о г о на бродяжью жизнь, от которой Г о р ь к и й, как и от многих других зол своей жизни, спасся. Насколько бродяжью жизнь несовместима с элементарными требованиями морали можно судить по тому обстоятельству, что честнейший из бродяг, Алексей Пешков не остался без греха. В общем же нет, видно, зла без добра, и, если бы судьба не довела Алексея Пешкова до бродяж-

ничества, давая ему возможность наблюдать любопытнейший экземпляр подонков общества-бродягу, мы не имели бы высокохудожественных рассказов Г о р ь к о г о о бродягах, которые, снабжая неоценимым научным материалом психологов, психопатологов, социологов и т. д. закрепили за Г о р ь к и м бессмертную славу великого художника русского народа и земли русской!

✓

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД НА ЖУРНАЛ „ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА“

V-й год издания

Журнал выходит под редакцией коллегии: С. И. Канторович, А. Н. Марзеев, Л. Д. Ульянов, А. И. Пыжев, С. И. Златогоров, С. А. Томилиш, А. И. Ширман, И. А. Либерман, Е. А. Федер и Л. Л. Гинцтон (секретарь),

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТИЕ:

Проф. БАРЫКИН—Москва, д-р БАРАНОВ—Н. Николаевск, д-р БУРШТЫН—Харьков, д-р BREGER—Берлин, проф. БУТЯГИН—Томск, д-р БРУСЫН—Москва, д-р БРОДСКИЙ—Харьков, проф. ВИНУКОВ—Одесса, д-р ВЛАЙКОВ—Киев, проф. ГАМАЛЕЙ—Ленинград, проф. ГУРЕВИЧ—Москва, д-р ГЛУЗМАН—Харьков, проф. ГРОМАШЕВСКИЙ—Одесса, проф. ГРИНЕВ—Харьков, д-р ГЕРМАН—Свердловск, д-р ГИНЦТОН—Харьков, д-р ГРИГОРЬЕВ—Екатеринослав, д-р ГАБИНОВ—Харьков, ДЕЙЧМАН—Харьков, д-р ДОБРЕЙШЕР—Москва, ЕФИМОВ Д. И.—Харьков, ЕФИМОВ А. И.—Харьков, ЕФИМОВ А. А. Сталино, д-р ЕРМИЛОВ—Харьков, проф. ЕЛИН—Одесса, проф. ЗДРАВОМЫСЛОВ—Пермь, проф. ЗАХАРОВ—Москва, проф. ЗАБОЛОТНЫЙ—Ленинград, проф. ЗИЛЬБЕР—Харьков, проф. ЗЛАТОГОРОВ—Харьков, д-р ИГУМНОВ—Харьков, проф. КРОНТОВСКИЙ—Киев, проф. КОРШУН—Москва, д-р КОСТГОМИН—Пермь, проф. КРИЧЕВСКИЙ—Москва, д-р КАНДЫБА—Харьков, КОНДРАТЬЕВ Н. И.—Харьков, проф. КУЛЕША—Севастополь, проф. КИЯНИЦЫН—Винница, д-р КЛЕЙН—Киев, проф. КИСЕЛЬ—Москва, проф. КРУМЕМИЛЛЕР—Екатеринослав, д-р КАГАН—Харьков, проф. МЕЕРСОН—Одесса, д-р МОРОЗОВСКИЙ—Харьков, д-р МАСЛОВСКИЙ—Харьков, д-р МАРЗЕЕВ—Харьков, д-р МАРКОВИЧ—Киев, д-р МИХ—Харьков, проф. НЕШАДИМЕНКО—Киев, проф. ПОДГАЕЦКИЙ—Киев, г-р PRINZIG—Берлин, д-р ПЫЖЕВ—Харьков, проф. РУБАШКИН—Харьков, д-р РОЗАНОВ—Киев, проф. ROESLE—Берлин, д-р СОЛОВЬЕВ—Харьков, д-р СТЕПАНОВ—Харьков, д-р СТРАШУН—МОСКВА, д-р ТОМИЛИН—Харьков, д-р УЛЬЯНОВ—Харьков, д-р ФИНКЕЛЬШТЕЙН—Харьков, д-р ФЕДОРОВСКИЙ—Харьков, д-р ФЕДЕР—Харьков, д-р мел. ЦЕХНОВИЦЕР—Харьков, проф. ШТЕФКО—Симферополь, проф. ШАСТНЫЙ—Одесса, проф. ШАПШЕВ—Пермь, проф. ФРЕНКЕЛЬ—Ленинград, д-р Б. М. ХМЕЛЬНИЦКИЙ—Харьков и др.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—с 2-мя приложениями 3 руб. 50 коп. Отдельный экз.—1 руб. 20 коп.

Участковым и санитарным врачам, лечучреждениям—скидка в размере 15 проц. при коллективной подписке не менее 10 экз. книжным магазинам—обычная скидка.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:

за целую страницу позади текста—100 руб.,
1/2 стр.—55 руб. и 1/4 стр.—30 руб. и т. д.

Денежные суммы желательно переводить по адресу:
ХАРЬКОВ, УКРАИНБАНК. Текущий счет журнала:
ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА № 657.

Адрес редакции и конторы журнала:
Харьков, Пушкинская, 14, Тел. 36-02.

